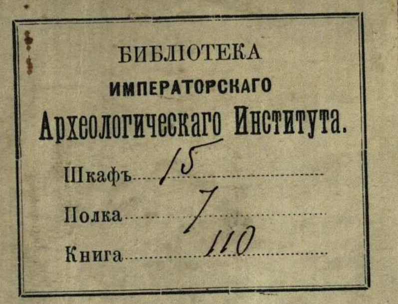

Записки
[...]зскаго отдѣла
[...]ператорскаго
[...]ографическаго общества.
Книжка XXV, выпускъ 4-й.

Н. Я. Динникъ.

По Чечнѣ и Дагестану.

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго, Головинск. просп., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

По Чечнѣ и Дагестану.

Г. Грозный и его климатическія особенности. Природа окрестностей Грознаго. Слобода Воздвиженская. Флора и фауна окружающихъ ее мѣстъ. Аргунское ущелье. Его лѣса. Шатой. Соной и его окрестности. Ущелье Аргуна выше Шатоя.

Городъ Грозный, въ который я пріѣхалъ въ двадцатыхъ числахъ іюня 1904 г., былъ начальнымъ пунктомъ моихъ путешествій по Чечнѣ и Дагестану. О самомъ Грозномъ я скажу лишь нѣсколько словъ. Онъ расположенъ подъ 43°19′ с. ш. и 45°42′ в. д. на высотѣ 125 метровъ надъ уровнемъ моря. Благоустройствомъ городъ похвалиться не можетъ, хорошимъ климатомъ и мѣстоположеніемъ также не отличается. Малярія—самая обыкновенная здѣсь болѣзнь, а въ лѣтніе мѣсяцы частенько бываетъ и дизентерія. Вѣтры дуютъ въ Грозномъ очень часто, а въ теченіе почти всего лѣта стоитъ невыносимая жара. Въ іюлѣ средняя температура равняется здѣсь 24,3° Ц., а въ августѣ 24,4°. Въ этомъ отношеніи Грозный превосходитъ всѣ пункты Кавказа, метеорологическія данныя которыхъ намъ извѣстны, за исключеніемъ Екатеринодара, Петровска, Дербента, Аралыха, Елисаветполя, Баку и Ленкорани. Даже въ Сухумѣ, Кутаисѣ и Батумѣ лѣто въ эти мѣсяцы прохладнѣе, чѣмъ въ Грозномъ! Въ Тифлисѣ средняя температура августа также ниже, чѣмъ въ Грозномъ, а между тѣмъ Тифлисъ, точно такъ-же, какъ Батумъ и Кутаисъ, лежитъ на 3—4° южнѣе Грознаго. Осадковъ въ Грозномъ выпадаетъ среднимъ числомъ 502 мм. въ годъ.

Изъ Грознаго я отправился на одинъ день на грозненскіе нефтяные промыслы, которые начинаются отъ города верстахъ въ 17 и тянутся верстъ на 5 или на 6. Мѣстность отъ Грознаго до промысловъ ровная и имѣетъ степной характеръ. Своей растительностью она очень напоминаетъ степи Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь встрѣчается низкорослый кустарникъ—Amygdalus nana, лакричникъ (Glycyrrhiza glabra), крушина (Rhamnus), нѣсколько видовъ шалфея (Salvia nemorosa, S. verticillata, S. Sclarea), Phlomis

pungens, Statice, Cichorium officinale, Solanum Dulcamara, Galium, Verbascum, колючіе Xanthium spinosum, Centaurea iberica и Carduus nutans, далѣе Achillea Millefolium, Inula и проч. Всѣ эти растенія можно встрѣтить и въ степяхъ Ставропольской губерніи. На невысокихъ горахъ, окружающихъ Грозненскую равнину, растутъ кустарниковыя заросли, состоящія по-преимуществу изъ колючихъ кустарниковъ вродѣ терна (Prunus spinosa), держи-дерева (Paliurus aculeatus) и крушины (Rhamnus). Птицъ въ Грозномъ, по дорогѣ къ нефтянымъ источникамъ, а также около нихъ мнѣ попадалось замѣчательно мало. Въ самомъ городѣ я видѣлъ только воробьевъ и одну ласточку, а по дорогѣ къ промысламъ одного орла (вѣроятно, Aquila orientalis Cab.), одного скворца и около десятка хохлатыхъ жаворонковъ (Alauda cristata L.). Мнѣ не попалось здѣсь на глаза ни одной овсянки, ни одного чекана, ни луня, столь обыкновенныхъ во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Не видѣлъ я ни одной ласточки ни по дорогѣ къ промысламъ, ни на нихъ. Не знаю, всегда-ли бываетъ здѣсь такъ мало птицъ. Отъ охотниковъ, живущихъ на промыслахъ, я узналъ, что въ окрестностяхъ Грознаго водится довольно много перепелокъ, куропатокъ и порядочное количество фазановъ. Послѣднихъ иногда въ день убиваютъ до десятка на одно ружье. Зайцевъ здѣсь также довольно много.

Всѣ грозненскіе нефтяные источники расположены на гребнѣ хребта и на склонахъ его; на днѣ-же долинъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ хребта, нефти не оказалось, несмотря на то, что въ нѣскольких мѣстахъ искали ее и закладывали очень глубокія буровыя скважины. Вѣроятно, вдоль гребня хребта во время поднятія его произошелъ разрывъ геологическихъ пластовъ и черезъ него нефть поднялась вверхъ. Многія здѣшнія буровыя скважины имѣютъ, однако, отъ 200 до 250 саженъ глубины. Фонтанирующій колодезь теперь имѣется только одинъ, прежде-же ихъ было нѣсколько. По просьбѣ моего родственника, доктора И. В. Мартынова, служащаго, между прочимъ, и на нефтяныхъ промыслахъ, мнѣ очень любезно было показано здѣсь все, чѣмъ я интересовался; но въ кругъ намѣченныхъ мною задачъ во время путешествія этого года вовсе не входило изученіе и описаніе нефтяныхъ промысловъ, поэтому я говорю о нихъ лишь нѣсколько словъ.

Изъ Грознаго я отправился въ слободу Воздвиженскую, отстоящую отъ города на 25 верстъ. Дорога идетъ здѣсь сначала по совершенно ровной, открытой степи, а потомъ входитъ въ ши-

рокую, просторную долину (Хинкальское ущелье) *), проходящую между двухъ горъ—Сюиръ-кортъ и Бердыкель. Обѣ онѣ покрыты лѣсомъ, который переходитъ и на равнину, подступая почти къ самой дорогѣ. Въ степной полосѣ здѣсь растетъ много желтой и бѣлой Althaea, Malva съ мелкими листьями и цвѣтами, Solanum Dulcamara, Cichorium officinale, а изъ кустарниковъ чаще всѣхъ другихъ попадается держи-дерево (Paliurus aculeatus), красивое издали, но оказывающееся очень непріятнымъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ. Этотъ кустарникъ распространенъ здѣсь очень сильно и образуетъ густыя, труднопроходимыя заросли, которыя покрываютъ пространства иногда лишь въ нѣсколько саженъ, а иногда въ цѣлыя десятины. Одиночными экземплярами оно растетъ сравнительно рѣдко. Рядомъ съ держи-деревомъ попадается часто крушина, боярышникъ (Crataegus), бересклетъ (Evonymus) и шиповникъ (Rosa). Здѣсь встрѣчается также виноградъ и много бузины двухъ видовъ—Sambucus nigra и S. Ebulus. Послѣдняя мѣстами также образуетъ сплошныя заросли. Тамъ, гдѣ лѣса подступаютъ къ почтовой дорогѣ, растутъ большіе дубы, вязы, много грушъ, калина-гордовина (Viburnum Lantana), ясень и т. д. По берегамъ ручьевъ попадается много вербы.

За долиной, находящейся между упомянутыми двумя горами, дорога снова выходитъ на открытую мѣстность, но уже нѣсколько иного характера. По мѣрѣ приближенія къ горамъ растительность ея становится все свѣжѣе и зеленѣе, и все чаще и чаще начинаютъ попадаться среди открытой степи различныя деревья и кустарники. Съ этихъ мѣстъ видны уже высокія горы, покрытыя почти сплошными лѣсами, и Аргунское ущелье, недалеко отъ входа въ которое расположена Воздвиженская слобода. По пути отъ Грознаго къ Воздвиженской мнѣ попадалось очень мало птицъ. Проѣхавъ 25 верстъ, я видѣлъ одного ворона, одного сорокопута-жулана (Enneoctonus collurio), одного сарыча и двухъ сивоворонокъ.

Во второмъ часу дня я пріѣхалъ въ Воздвиженскую и расположился на общественной квартирѣ, а передъ вечеромъ отправился взглянуть на слободу, съ которой былъ, впрочемъ, уже знакомъ по своимъ прежнимъ поѣздкамъ въ эти мѣста. Несмотря на небольшое разстояніе, отдѣляющее ее отъ Грознаго, она въ климатическомъ, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ ничего общаго

*) Ущельемъ его, впрочемъ, нельзя назвать; это, скорѣе, пространство между двухъ горъ.

съ нимъ не имѣетъ. Здѣсь нѣтъ лѣтомъ ни жары, ни пыли, ни духоты, ни вѣтровъ, а вечера и ночи не только отличаются прохладой, но бываютъ даже холодными. Кромѣ того, вся Воздвиженская, можно сказать, утопаетъ въ зелени. На улицахъ, бульварахъ, въ садахъ и на дворахъ растутъ огромныя акаціи, липы, множество волошскихъ орѣховъ и уксусныя деревья. Послѣднія развиваются особенно роскошно въ этомъ благодатномъ климатѣ, причемъ листья ихъ достигаютъ въ длину болѣе аршина; не менѣе пышно растутъ и волошскіе орѣхи. Почти на всѣхъ дворахъ и въ садахъ можно видѣть, кромѣ того, много вишенъ, грушъ, сирени, ясень и т. д. Хмѣль вмѣстѣ съ повителью заплетаетъ всѣ заборы и плетни, совершенно скрывая ихъ. Этому очень помогаетъ и крапива (Urtica dioica), достигающая въ Воздвиженской высоты болѣе сажени. Обиліемъ зелени Воздвиженская болѣе или менѣе напоминаетъ Сухумъ и Батумъ, но въ ней недостаетъ громадныхъ папоротниковъ, рододендроновъ и многихъ вьющихся растеній, свойственныхъ кавказскому побережью Чернаго моря. Бамбукъ, эвкалиптусы, павлоніи, олеандры, кипарисы, магноліи и другія растенія теплыхъ или даже полутропическихъ странъ здѣсь расти, конечно, не могутъ вслѣдствіе болѣе или менѣе холодной зимы, но они не растутъ въ дикомъ состояніи и въ другихъ болѣе теплыхъ мѣстахъ Кавказа.

Воздвиженская занимаетъ очень красивое мѣстоположеніе. Она стоитъ на высокомъ и ровномъ лѣвомъ берегу Аргуна, на высотѣ 377 м. (1238 ф.) надъ ур. моря, верстахъ въ двухъ отъ горъ и верстахъ въ пяти отъ входа въ Аргунское ущелье. Прежде она была крѣпостью, и въ ней отъ временъ кавказской войны уцѣлѣли крѣпостныя постройки и, между прочимъ, двѣ большія кирпичныя башни. Вокругъ крѣпости тянется бульваръ съ большими тѣнистыми липами. Кромѣ этого бульвара есть и другіе. Восточный фасъ крѣпости располагается вдоль крутого и высокаго обрыва, подъ которымъ течетъ Аргунъ. Въ зданіяхъ, находящихся внутри крѣпостной стѣны, помѣщаются три баттареи 21-ой артиллерійской бригады, а въ слободѣ стоитъ еще одна или двѣ роты пѣхоты. Когда-то здѣсь квартировала часть переяславскаго драгунскаго полка. Ихъ красивыя казармы и конюшни и теперь стоятъ у южной окраины слободы. Въ ней находится еще лѣсная школа и военное собраніе. Водою снабжается Воздвиженская посредствомъ водопровода, развѣтвленія котораго проходятъ по нѣсколькимъ улицамъ.

Окрестности Воздвиженской также очень красивы и больше полугода бываютъ покрыты свѣжей зеленью. Кромѣ того, съ нихъ открывается очень живописный видъ на цѣлую систему горныхъ хребтовъ, которые по мѣрѣ удаленія къ югу становятся все выше и выше. Ближайшіе изъ нихъ покрыты сплошными лѣсами, на слѣдующихъ за ними выступаетъ уже поясъ альпійскихъ луговъ, а еще дальше вверхъ по ущелью Аргуна видны два высокіе скалистые гребня, на склонахъ которыхъ извиваются красивыя полосы и длинныя змѣйки вѣчнаго снѣга. Климатическія условія Воздвиженской далеко лучше, чѣмъ Грознаго. Днемъ въ лѣтнее время въ Воздвиженской хотя и бываетъ довольно жарко, но, начиная съ вечера и до восхода солнца, дуетъ съ горъ прохладный вѣтерокъ, замѣтно понижающій температуру воздуха; поэтому утромъ, вечеромъ и ночью, какъ я уже говорилъ, здѣсь бываетъ всегда сравнительно прохладно. Въ 6 часовъ утра въ самомъ концѣ іюня я наблюдалъ обыкновенно температуру отъ 16 до 18° Ц., а 28 іюня даже въ 9 часовъ утра было только $15^1/_2$°. Въ Грозномъ въ это время бываетъ обыкновенно болѣе 20°. Вода въ Воздвиженской лучше, чѣмъ въ Грозномъ, а Аргунъ сравнивать по свѣжести воды съ Сунжей даже невозможно. Принимая во вниманіе все это, нельзя не задать себѣ вопросъ, почему окружнымъ городомъ этой части Терской области сдѣлана бывшая крѣпость, а впослѣдствіи станица Грозная, а не Воздвиженская, которая несравненно лучше Грознаго во всѣхъ отношеніяхъ и отстоитъ отъ него всего лишь на 25 верстъ? Воздвиженская своимъ мѣстоположеніемъ и климатомъ напоминаетъ Владикавказъ, Алагиръ, Нальчикъ, и въ нее многіе, въ особенности люди, любящіе природу, ѣхали-бы съ удовольствіемъ, тогда какъ изъ Грознаго они стремятся бѣжать. Не томились-бы тамъ отъ жары и духоты въ теченіе мѣсяцевъ четырехъ дѣти служащихъ и вообще подрастающее поколѣніе, которое росло и крѣпло бы подъ благодатнымъ небомъ Воздвиженской гораздо лучше, чѣмъ въ Грозномъ. Это особенно слѣдовало-бы имѣть въ виду потому, что въ Грозномъ существуетъ нѣсколько учебныхъ заведеній и въ томъ числѣ многолюдное въ будущемъ реальное училище, и что число ихъ съ теченіемъ времени будетъ возрастать все больше и больше.

Раза два мнѣ приходилось слышать о Воздвиженской, какъ о мѣстѣ съ лихорадочнымъ климатомъ, но мнѣ кажется, что мнѣніе это несправедливо. Присматриваясь къ жителямъ ея, я среди нихъ вовсе не видѣлъ желтыхъ изможденныхъ лицъ, которыя такъ

часто попадаются на глаза въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ; кромѣ того, разспрашивая жителей относительно лихорадокъ, я узналъ, что болѣютъ ею они сравнительно рѣдко.

Во время моей поѣздки по Грозненскому округу въ окрестностяхъ Воздвиженской было такъ неспокойно, что жители слободы не безъ страха ѣздили на полевыя работы за какія-нибудь 2—3 версты. Въ одинъ мѣсяцъ здѣсь было убито пять слобожанъ, и это приписывалось абрекамъ-чеченцамъ, бѣжавшимъ изъ грозненской тюрьмы. Послѣднее убійство было совершено за два дня до моего пріѣзда въ Воздвиженскую въ 9 часовъ вечера на улицѣ внутри слободы, въ которой стоитъ, какъ уже было замѣчено, столько войскъ (артиллерія, пѣхота). Выстрѣломъ изъ ружья былъ смертельно раненъ пятнадцатилѣтній мальчикъ. Незадолго передъ этимъ убили, также изъ ружья, въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ слободы старика, собиравшагося везти домой траву. Разсказы о всѣхъ этихъ событіяхъ производили не особенно пріятное впечатлѣніе, въ особенности, когда надо было одному забираться въ лѣса, балки, бурьяны, густые кустарники и т. д., гдѣ можно было на каждомъ шагу подвергнуться неожиданному нападенію. Хотя, отправляясь въ такія мѣста, я имѣлъ всегда при себѣ ружье или револьверъ, но при внезапномъ нападеніи, притомъ не въ открытой мѣстности, а въ чащѣ, особенной помощи отъ нихъ не всегда можно было бы ожидать.

На другой день по пріѣздѣ въ Воздвиженскую я рано утромъ отправился пѣшкомъ верстъ за 7 или 8 на западъ отъ нея, чтобы познакомиться съ природой ея окрестностей. Растительность здѣсь очень разнообразна и богата. Благодаря обилію атмосферныхъ осадковъ съ одной стороны, а съ другой—вслѣдствіе того, что сюда вовсе не проникаютъ сухіе восточные вѣтры, здѣсь все растетъ прекрасно и среди полей всюду разбросаны не только кустарники, но и большія деревья съ пышными кронами. Особенно украшаютъ здѣшнія поля большія груши, которыя попадаются всюду отдѣльными деревьями или небольшими группами. Очень много растетъ на поляхъ алычи (Prunus divaricata Led.), съ желтыми и красными плодами, и шишекъ (Mespilus germanica). Особенно много послѣднихъ на правомъ берегу Аргуна, гдѣ чеченцы собираютъ ихъ въ огромномъ количествѣ и всю зиму носятъ для продажи въ слободу и въ Грозный. Русскіе дѣлаютъ изъ нихъ вкусный квасъ. Алыча встрѣчается около самой слободы въ лѣсахъ и на всѣхъ полянахъ. Очень много растетъ здѣсь крушины, шиповника (Rosa

canina и другія), огромные кусты котораго образуютъ на поляхъ сплошныя заросли. Очень часто встрѣчается бузина, особенно Sambucus Ebulus и ежевика (Rubus fruticosus). Она имѣетъ бѣлые цвѣты, крупные, почти черные плоды, но ростомъ своимъ сильно уступаетъ ожинѣ (Rubus discolor) западнаго Кавказа; стебель ея значительно тоньше, не поднимается такъ высоко, а болѣе или менѣе стелется по землѣ; кромѣ того и шипы, сидящіе на немъ, гораздо мельче. Въ лѣсахъ преобладающими породами являются букъ (Fagus silvatica) и бучина или грабъ (Carpinus Betulus), но часто попадается липа, дикая черешня съ горькими, почти черными плодами, орѣшникъ (Corylus Avellana), верба, кизилъ (Cornus Mas), свидина (Cornus sanguinea), обыкновенная калина (Viburnum Opulus) и т. д.; дубъ въ ближайшихъ къ слободѣ лѣсахъ встрѣчается рѣдко, но его много на южныхъ склонахъ ближайшихъ горъ въ казенныхъ лѣсахъ. Здѣсь изъ него заготовляется въ изрядномъ количествѣ трость, изъ которой дѣлаются бочки и боченки. Яблони и груши въ лѣсахъ встрѣчаются очень часто, но среди нихъ нѣтъ вовсе болѣе или менѣе порядочныхъ сортовъ, какъ это наблюдается въ лѣсахъ Кубанской области и Черноморской губерніи. Чеченцы, слѣдовательно, никогда не разводили садовъ на полянахъ въ своихъ лѣсахъ и на ихъ опушкахъ.

Травянистыя растенія окрестностей Воздвиженской представляютъ еще гораздо большее богатство и разнообразіе. Изъ нихъ я назову только тѣ, которыя встрѣчаются наиболѣе часто и особенно обращаютъ на себя вниманіе. Къ нимъ принадлежитъ Verbascum съ огромными, почти въ аршинъ длиною, кистями красивыхъ крупныхъ свѣтло-желтыхъ цвѣтовъ, огромныя Melilotus officinalis, Lotus corniculatus, Linum nervosum, Lamium maculatum съ розоватыми или свѣтло-лиловыми цвѣтами, глухая крапива (Lamium album), клеверъ (Trifolium pratense), Leonurus Cardiaca, Delphinium съ красивыми голубыми цвѣтами, Circaea Luteciana, различные виды гераней, истоды (Polygala), звѣробой (Hypericum perforatum), Scabiosa ochroleuca, розовая Althaea, Malva, синякъ или румянка (Echium vulgare), конскій щавель (Rumex crispus) и т. д. Въ общемъ растительность окрестностей Воздвиженской сильно отличается отъ степной растительности Грознаго. Не встрѣчается уже ни Amygdalus nana, ни Phlomis, ни Glycyrrhiza; а Paliurus aculeatus попадается только къ сѣверу отъ слободы, т. е. ниже нея. Рододендроновъ около Воздвиженской я не

видалъ вовсе. Жители ея занимаются по-преимуществу земледѣліемъ. Они сѣютъ пшеницу, кукурузу, разводятъ картофель, и все это растетъ здѣсь прекрасно. Птицъ въ окрестностяхъ Воздвиженской несравненно больше, чѣмъ около Грознаго. Витютни (Palumbus torquatus Aldr.), обыкновенные дикіе голуби (Columba livia Briss.) и горлицы (Turtur auritus Gray) утромъ и вечеромъ летаютъ здѣсь цѣлыми стаями. Часто встрѣчается и клинтухъ (Columba oenas Gm.). Ночуютъ и гнѣздятся всѣ эти птицы въ лѣсахъ и на окаймляющихъ ущелье Аргуна скалахъ, а когда начинаетъ поспѣвать хлѣбъ, и особенно, когда приступаютъ къ уборкѣ его, онѣ ежедневно въ-одиночку и цѣлыми стаями летаютъ на поля кормиться. Часовъ въ 8—9 утра голуби возвращаются въ лѣса на отдыхъ, охотно останавливаясь на короткое время по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, а съ 4 или 5 часовъ пополудни снова отправляются на поля и остаются тамъ до самаго вечера. За голубями здѣсь охотятся очень многіе и убиваютъ ихъ немало. Порядочное количество горлицъ я встрѣчалъ на Аргунѣ, куда онѣ прилетаютъ пить. Перепеловъ въ окрестностяхъ Воздвиженской много, соекъ я не видѣлъ вовсе, сороки также не встрѣчаются, но воронъ и сѣрая ворона не составляютъ рѣдкости. Иволги (Oriolus galbula L.) и черные дрозды (Merula vulgaris Leach.) живутъ во всѣхъ садахъ Воздвиженской и попадаются, особенно дрозды, очень часто въ окрестностяхъ ея. Сорокопутъ-жуланъ (Enneoctonus collurio L.) представляетъ самую обыкновенную птицу, но другихъ сорокопутовъ мнѣ не попадалось здѣсь. Щеглы, полевые воробьи (Passer montanus Briss.) и зяблики всюду встрѣчаются внутри слободы. Домашній воробей (Passer domesticus Briss.) попадается замѣтно рѣже. Овсянки (Emberiza hortulana Briss.) встрѣчаются на поляхъ, но не особенно часто; то-же можно сказать объ удодѣ (Upupa epops L.); щурка-же (Merops apiaster L.), наоборотъ, попадается очень часто. Городская ласточка (Chelidon urbica L.) и деревенская (Hirundo rustica L.) встрѣчаются какъ въ полѣ, такъ и въ слободѣ очень часто; то-же можно сказать и относительно обыкновеннаго стрижа (Cypselus apus L.). На берегахъ Аргуна я встрѣчалъ еще бѣлыхъ плисокъ (Motacilla alba L.). Изъ хищныхъ птицъ на поляхъ и опушкахъ лѣсовъ я наблюдалъ довольно много краснохвостыхъ сарычей (Buteo Menetriezi Bogd.), видѣлъ нѣсколько разъ ястребовъ-перепелятниковъ (Nisus communis) въ самой слободѣ, а въ полѣ еще двухъ хищниковъ, по окраскѣ, а также по формѣ крыльевъ

и хвоста похожихъ на осоѣда (Pernis apivorus L.). Сѣрыя куропатки, по словамъ охотниковъ, встрѣчаются здѣсь чаще зимою, чѣмъ лѣтомъ, но вообще рѣдки. Фазаны изрѣдка встрѣчаются и теперь около Аргуна по зарослямъ облѣпихи (Hippophaë rhamnoides), а также выше слободы, за лагеремъ, и въ заросляхъ около рѣчки Гойтъ къ юго-западу отъ слободы. Прежде, какъ мнѣ говорили, фазановъ было здѣсь много, но большую часть ихъ погубила одна суровая зима въ 80-хъ годахъ. Послѣ нея фазаны исчезли совершенно, а въ послѣдніе годы стали понемногу размножаться. Весной во время перелета здѣсь много бываетъ вальдшнеповъ и коростелей (Crex pratensis L.). Зимою въ окрестности Воздвиженской иногда накочевываетъ много дрофъ. Случается, впрочемъ, это довольно рѣдко.

На слѣдующій день я пѣшкомъ предпринялъ другую экскурсію —вверхъ по Аргуну, также верстъ за 8 отъ слободы. Аргунъ течетъ здѣсь въ довольно глубокой впадинѣ и по выходѣ изъ горъ разбивается на множество рукавовъ. Русло его вмѣстѣ съ берегами, заваленными камнемъ, и низкими островами имѣетъ въ ширину противъ Воздвиженской болѣе полуверсты. Течетъ Аргунъ очень быстро и несетъ мутную воду. Температура ея 28 іюня въ 9 часовъ утра равнялась только $15^1/_2{}^0$ Ц. Берега Аргуна и большая часть островов покрыты лѣсомъ, замѣтно отличающимся отъ прочихъ лѣсовъ, которые растутъ въ окрестностяхъ Воздвиженской. Здѣсь встрѣчается много ольхи (Alnus incana), черноольхи (A. glutinosa), тополя (Populus nigra), вербы различныхъ видовъ и особенно облѣпихи (Hippophaë rhamnoides); попадается также осина, виноградъ и другія деревья и кустарники.

По лѣвому берегу Аргуна проходитъ шоссейная дорога отъ Воздвиженской къ Шатою. По сторонамъ ея тянутся поляны и растутъ лѣса. Въ нихъ встрѣчается много вяза (Ulmus campestris), липы, боярышника (два вида), винограда, яблони, груши, Cornus sanguinea и т. д. Изъ травянистыхъ растеній здѣсь часто попадается Vincetoxicum, бѣлена (Hyosciamus niger), Sambucus Ebulus, образующая цѣлыя заросли, Cichorium officinale, Lysimachia vulgaris и т. д. Изъ птицъ я видѣлъ двухъ грязныхъ сиповъ (Neophron percnopterus L.), нѣсколькихъ орловъ, одного коршуна (Milvus ater L.), луня (Circus cyaneus L.), пять вороновъ, одного черноухаго чекана (Saxicola aurita Temm.) и довольно много горлицъ, витютней и черныхъ дроздовъ.

Изъ пресмыкающихся я встрѣчалъ около Воздвиженской нѣ-

сколько разъ степную гадюку (Vipera Renardi Christ.) и однажды едва не прижалъ ее нечаянно рукою, подкрадываясь къ витютнямъ. Неоднократно я находилъ убитыхъ гадюкъ, валявшихся на дорогѣ, а однажды въ теченіе часовъ трехъ видѣлъ здѣсь двухъ живыхъ гадюкъ, изъ которыхъ одну поймалъ, да одну уже убитую. Все это показываетъ, что гадюка встрѣчается здѣсь довольно часто; но случаевъ укушенія ею людей, какъ сообщали мнѣ жители слободы, не бываетъ. Довольно часто встрѣчается вблизи Воздвиженской кольчатый ужъ (Tropidonotus natrix L.) и очень много ящерицъ. Горная ящерица (Lacerta muralis Laur.) попадается сравнительно рѣдко и только по скалистымъ мѣстамъ; чаще нея встрѣчается зеленая ящерица (L. viridis L.), а еще гораздо чаще прыткая (L. agilis L.). На поляхъ скошеннаго хлѣба и въ рѣдкой травѣ послѣднюю можно видѣть почти на каждомъ шагу. Собранные мною экземпляры ея имѣли по три узкія свѣтлыя полоски, проходящія вдоль спины. Одна изъ нихъ тянется по самому хребту и раздѣляетъ темную спинную часть на двѣ ровныя половины, а другія двѣ отдѣляютъ эту часть отъ боковъ, болѣе свѣтлыхъ. Спина у этой ящерицы буровато-зеленоватая съ продольными рядами крупныхъ черныхъ пятенъ; животъ зеленоватый. По всѣмъ признакамъ эта ящерица подходитъ къ L. agilis var. orientalis, описанной для восточной Россіи и Кавказа К. Ѳ. Кесслеромъ *). По вечерамъ въ Воздвиженской кричитъ много древесницъ (Hyla arborea Wagl.), а въ лѣсахъ очень часто попадается травяная лягушка (Rana temporaria L.). Изъ рыбъ въ Аргунѣ водится пескарь, усачъ и, какъ говорили мнѣ, изрѣдка попадается шемая (Alburnus clupeoides L.). Форели около Воздвиженской нѣтъ, но она часто встрѣчается почти во всѣхъ рѣчкахъ и ручьяхъ, текущихъ въ горахъ.

Чтобы закончить перечисленіе позвоночныхъ животныхъ, водящихся въ окрестностяхъ Воздвиженской, надо сказать хотя нѣсколько словъ о млекопитающихъ. Я познакомился съ ними главнымъ образомъ не въ послѣднюю, описываемую мною поѣздку, а раньше, когда пріѣзжалъ сюда зимою; многое о звѣряхъ этой мѣстности я узналъ отъ охотниковъ какъ русскихъ, такъ и чеченцевъ, которыхъ тщательно разспрашивалъ объ этомъ предметѣ.

Кабаны очень рѣдко встрѣчаются въ лѣсахъ, принадлежащихъ слободѣ, но въ казенныхъ еще и теперь ихъ довольно много.

*) Труды С.-Петерб. Общ. Естеств., т. VIII, стр. 115.

Отсюда они часто отправляются на кукурузныя поля, находящіяся на слободской землѣ, особенно, если они расположены недалеко отъ лѣса. Въ этомъ отношеніи кабаны приносятъ немало вреда, и жителямъ приходится каждую ночь караулить кукурузу во время ея созрѣванія. Здѣсь-же производится и ночная охота на кабановъ. Убитыхъ въ этихъ мѣстахъ кабановъ я осматривалъ нѣсколько разъ. Они не отличаются никакими существенными признаками отъ кабановъ западнаго Кавказа, но въ общемъ уступаютъ имъ по величинѣ. Я видѣлъ здѣсь только одного довольно порядочнаго кабана, который въ срединѣ зимы, будучи сильно худымъ, вѣсилъ пудовъ 5 и имѣлъ въ длину около 5 футовъ. Но такихъ великановъ, какіе встрѣчаются въ Кубанской области, здѣсь, вѣроятно, нѣтъ вовсе, потому что нѣтъ для нихъ такого приволья вслѣдствіе густоты населенія въ горахъ; кромѣ того, въ лѣсахъ здѣсь фруктовъ гораздо меньше. Дикія козы попадаются въ слободскихъ лѣсахъ, но гораздо больше ихъ въ казенныхъ. Убитыхъ я видѣлъ только двухъ и обѣ онѣ принадлежали къ виду Capreolus pygargus Pall. Вѣроятно, здѣсь водится Capreolus caprea Gray. Довольно много свиныхъ и козьихъ слѣдовъ мнѣ попадалось зимою на горѣ Чахтыръ (3169 ф.), сѣверный склонъ которой покрытъ лѣсами, принадлежащими слободѣ, а южный—казенными. Олени (Cervus elaphus maral Ogilby) встрѣчаются въ лѣсахъ въ 10—15 верстахъ отъ слободы и притомъ въ количествѣ сравнительно небольшомъ. Мнѣ говорили, что довольно много ихъ водится въ большихъ сплошныхъ лѣсахъ, растущихъ въ верховьяхъ Ассы и Фортанги, отстоящихъ отъ Воздвиженской верстъ на 40. Такихъ толстыхъ, массивныхъ роговъ и притомъ съ такими сильно развитыми кронами, какіе часто встрѣчаются у оленей Кубанской области, я здѣсь не видѣлъ вовсе. Медвѣди въ лѣсахъ около Воздвиженской встрѣчаются довольно часто и вмѣстѣ съ кабанами нерѣдко производятъ порядочныя опустошенія на поляхъ, засѣянныхъ кукурузой. Волки и лисицы также довольно обыкновенны въ этихъ мѣстахъ. Убитыхъ лисицъ мнѣ приходилось видѣть раза два. Онѣ принадлежали къ типичной Vulpes alopex L. и имѣли красноватую окраску, какъ вообще лисицы Сѣвернаго Кавказа. Довольно много ихъ добывается чеченцами, слобожане-же за ними охотятся сравнительно мало. Рыси также встрѣчаются въ горахъ около Воздвиженской не особенно рѣдко. Однажды во время облавы на одного моего пріятеля вышло сразу три рыси и изъ нихъ двѣ были убиты имъ. Къ сожалѣнію, здѣш-

ней рыси мнѣ не пришлось видѣть. Дикіе коты, барсуки и выдры или порѣшни также попадаются въ окрестностяхъ Воздвиженской, а хорьки хотя и встрѣчаются, но, какъ и вездѣ въ горной полосѣ, сравнительно рѣдко. Убивали ихъ иногда въ самой слободѣ. Зайцевъ довольно много, и зимою здѣсь охотятся на нихъ. Въ слободѣ-же вечеромъ летаетъ очень много летучихъ мышей, но мнѣ не удалось добыть ихъ, поэтому не могу сказать, къ какимъ родамъ и видамъ принадлежатъ онѣ.

Изъ Воздвиженской мною было предпринято нѣсколько поѣздокъ по окружающимъ ее мѣстамъ, а также въ Шатой, Евдокимовское и дальше въ горы, расположенныя вокругъ верховьевъ Аргуна и его притоковъ.

Дорога отъ Воздвиженской къ Шатою идетъ сначала по широкой долинѣ Аргуна, гдѣ онъ вышелъ уже изъ горъ и течетъ по плоскости, а на 8-ой верстѣ она входитъ въ ущелье Аргуна. Здѣсь по обѣ стороны его поднимаются средней высоты горы, покрытыя лѣсами. У подножья одной изъ этихъ горъ, на правомъ берегу Аргуна, виднѣется чеченскій аулъ Дуба-юртъ, а нѣсколько выше него, на лѣвомъ берегу рѣки находятся остатки бывшаго Аргунскаго укрѣпленія. Недалеко отъ него сливаются другъ съ другомъ два главнѣйшіе истока Аргуна—Чанты-Аргунъ и Шаро-Аргунъ. Въ этомъ мѣстѣ по длинному деревянному мосту шоссейная дорога переходитъ на правый берегъ Чанты-Аргуна и тянется по нему до самаго Шатоя. Отъ моста видна довольно высокая и крутая гора, которая составляетъ сѣверную оконечность хребта, раздѣляющаго два большія глубокія ущелья; по нимъ протекаютъ оба только что упомянутые истока Аргуна. Верстахъ въ 4-хъ отъ моста, на лѣвомъ берегу Шаро-Аргуна находится аулъ Дачу-барзой, а недалеко отъ него другой аулъ—Улускертъ. Оба они расположены въ лѣсистой мѣстности. Въ окрестностяхъ ихъ мнѣ не разъ приходилось охотиться, поэтому я имѣлъ случай порядочно ознакомиться съ животной и растительной природой ихъ. Въ этихъ лѣсахъ растетъ много бука, но здѣшніе буковые лѣса совсѣмъ не таковы, какъ на западномъ Кавказѣ, гдѣ прямые и лишенные вѣтвей на протяженіи саженъ 15 отъ земли громадные стволы съ свѣтло-сѣрой корой болѣе похожи на какія-то исполинскія колонны, чѣмъ на деревья. Дубъ зимній (Quercus sessiliflora Gm.) встрѣчается очень часто, но также не достигаетъ такой толщины и особенно высоты и не образуетъ такихъ чистыхъ и сплошныхъ насажденій, какъ, напр., въ горахъ Кубанской

области. Дубъ лѣтній (Q. pedunculata Ehrb.) встрѣчается здѣсь значительно рѣже. По этимъ причинамъ заготовленіе трости для бочекъ и кадокъ, а также клепки въ окрестностяхъ Воздвиженской развито сравнительно слабо. Въ 90-хъ годахъ, по словамъ лѣсничаго, заготовлялось всего лишь 2—3 тысячи тростей въ годъ. На высокихъ мѣстахъ дубъ попадается еще рѣже, чѣмъ на плоскости и вообще на низкихъ мѣстахъ. Сплошныя, чистыя дубовыя насажденія встрѣчаются, впрочемъ, въ горахъ Чечни, но на мѣстахъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ населенныхъ пунктовъ, напр., въ лѣсахъ по лѣвую сторону Чанты-Аргуна. Кленъ и ясень растутъ во всѣхъ лѣсахъ, но въ небольшомъ сравнительно количествѣ. Обыкновенной ольхи и черноольхи (Alnus incana и A. glutinosa) очень много, причемъ послѣдняя часто образуетъ очень чистыя насажденія съ прямыми и высокими деревьями. Липа попадается значительно чаще, чѣмъ кленъ или ясень, но вязъ (Ulmus) сравнительно рѣдокъ. Очень много растетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ орѣшника (Corylus Avellana), который часто образуетъ сплошныя заросли. Рододендроновъ относительно не такъ много и ростъ ихъ сравнительно невеликъ, но есть мѣста, гдѣ они образуютъ такія обширныя, густыя заросли, черезъ которыя едва можно пробраться человѣку. Плющъ попадается въ количествѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ въ лѣсахъ Кубанской области и Черноморской губерніи, а падубъ (Ilex Aquifolium), самшитъ или кавказская пальма (Buxus sempervirens) и Staphylea pinnata, составляющіе принадлежность наиболѣе влажныхъ мѣстностей западнаго Кавказа, здѣсь не встрѣчаются вовсе. Не видѣлъ я и жасмина (Philadelphus coronarius). Наоборотъ, негной или тиссъ (Taxus baccata) на возвышенныхъ мѣстахъ встрѣчается довольно часто, хотя сильно истребляется. Его рубятъ даже для телеграфныхъ столбовъ. Обыкновенная калина и калина-гордовина (Viburnum Opulus и V. Lantana) попадается часто, но послѣдняя по преимуществу на высокихъ горахъ, у верхней границы лѣсовъ. Осина (Populus tremula) растетъ во многихъ мѣстахъ отдѣльными куртинами. Боярышникъ съ красными и черными ягодами распространенъ по-преимуществу на опушкахъ лѣсовъ, у подножья горъ. Ожина (Rubus discolor) не встрѣчается здѣсь вовсе; на полянахъ и опушкахъ растетъ повсюду ежевика (R. fruticosus), а въ тѣнистыхъ лѣсахъ стелется по землѣ еще одинъ видъ ея—R. caesius. Папоротникъ-орлякъ (Pteris aquilina), съ которымъ приходится жителямъ многихъ мѣстностей западнаго Кавказа вести

самую упорную борьбу, здѣсь попадается рѣдко и не достигаетъ такого роста, какъ въ Кубанской области или Черноморской и Кутаисской губерніяхъ. Очень часто встрѣчается другой видъ папоротниковъ—Struthiopteris germanica, который растетъ во всѣхъ лѣсахъ и на небольшихъ сырыхъ полянахъ въ значительномъ количествѣ.

Нѣсколько выше бывшаго Аргунскаго укрѣпленія начинается такъ называемое Аргунское ущелье, извѣстное какъ по своей красотѣ, такъ и въ исторіи Кавказской войны. По этому ущелью течетъ Чанты-Аргунъ, вдоль берега котораго проведена шоссейная дорога до Шатоя и дальше до Евдокимовскаго. Передъ въѣздомъ въ это ущелье открывается красивый видъ на покрытый почти сплошными лѣсами высокій хребетъ Даргендукъ, который тянется далеко на юго-востокъ между ущельями Шаро-Аргуна и рѣчки Вашендерой, дѣлается постепенно все выше и выше и переходитъ за верхнюю границу лѣсовъ. Въ южной части вблизи Нюй-корта и Аленъ-Джейранъ-корта высота его доходитъ до 7280 ф. На скалахъ Даргендука держатся кое-гдѣ серны, вообще рѣдкія въ этой мѣстности, а на юго-восточномъ склонѣ его, на пригрѣвахъ, недалеко отъ ауловъ Нюхой и Зильберой зимою бываетъ очень много дикихъ свиней. Сѣверный склонъ Даргендука покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ водятся еще дикія козы, олени, кабаны, медвѣди, волки и другіе звѣри. Со склоновъ Даргендука и его продолженія вытекаетъ много рѣчекъ, впадающихъ частью въ Шаро-Аргунъ, а главнымъ образомъ въ Вашендерой и Джалку. Вдоль подъема на Даргендукъ тянется очень широкая просѣка. Весною 1857 года по ней двигались русскія войска, направлявшіяся къ Шатою, на ней встрѣчали праздникъ Пасхи. У подножья Даргендука и въ долинѣ рѣчки Вашендерой я нѣсколько разъ охотился съ моимъ пріятелемъ, здѣшнимъ лѣсничимъ, покойнымъ Н. П. Борисенко. Въ этихъ мѣстахъ, кромѣ лисицъ и зайцевъ, мы также встрѣчали медвѣдей, дикихъ козъ и много кабановъ. Въ одномъ гаю большой гуртъ свиней вышелъ на меня и Н. П., и три изъ нихъ были убиты нами. Въ другой разъ на одного охотника вышло сразу три медвѣдя.

Аргунское ущелье отъ своего начала до Шатоя на протяженіи верстъ 20 очень красиво. Рѣка съ темной мутной водой несется въ глухой, мрачной тѣснинѣ, прыгая съ камня на камень и со скалы на скалу. По обѣимъ сторонамъ ея поднимаются высокія, очень крутыя горы, покрытыя густыми лиственными лѣсами. Во

многихъ мѣстахъ надъ зеленью этихъ лѣсовъ выдаются то отдѣльныя скалы, то группы ихъ или даже цѣлые ряды и галлереи, расположенныя другъ надъ другомъ. Ущелье имѣетъ вообще болѣе или менѣе мягкій, ласкающій видъ и лишено той дикости, которой отличаются многія ущелья Кавказа, окруженныя высокими безлѣсными горами.

Въ 25 верстахъ отъ Воздвиженской ущелье Аргуна сильно расширяется вслѣдствіе того, что здѣсь въ Аргунъ впадаютъ съ правой стороны двѣ небольшія горныя рѣчки. Въ этомъ мѣстѣ расположенъ Шатой, составляющій самый людный пунктъ горной Чечни. Въ немъ стоитъ одинъ батальонъ пѣхоты и баттарея старыхъ, съ дула заряжающихся орудій. Ѣхать до Шатоя приходится все время по хорошему шоссе, по сторонамъ котораго на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ лѣсъ расчищается для болѣе безопаснаго проѣзда.

Шатой расположенъ на правомъ берегу Аргуна, на высотѣ приблизительно 2000 ф. надъ уровнемъ моря. Онъ занимаетъ красивое мѣстоположеніе и окруженъ со всѣхъ сторонъ довольно высокими лѣсистыми горами. Изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе гора Хайкаламъ (5859 ф.). Она имѣетъ широкую куполообразную вершину, подъемъ на которую начинается у самаго Шатоя и непосредственно отъ шоссейной дороги. Большая часть этой горы покрыта густымъ некрупнымъ лѣсомъ, въ которомъ растетъ очень много дуба. На западной окраинѣ Шатоя на днѣ глубокой съ отвѣсными стѣнами балки течетъ Чанты-Аргунъ. Шатой населенъ частью русскими, частью туземцами-кистинами (чеченцами) *). Въ немъ находятся казармы для солдатъ и много чистенькихъ, бѣленькихъ домиковъ съ желѣзными крышами. Эти домики дѣлаютъ очень красивымъ видъ на Шатой, если смотрѣть на него съ сосѣднихъ горъ. Шатой отличается хорошимъ здоровымъ климатомъ. Въ лѣсахъ, окружающихъ его, также водится довольно много дичи—медвѣдей, волковъ, лисицъ, оленей, дикихъ козъ и свиней. Лѣтъ 10 тому назадъ медвѣдь былъ убитъ почти въ самомъ Шатоѣ, а кабановъ мнѣ приходилось неоднократно видѣть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шатоя. Они водятся и на Хайкаламѣ, куда привлекаетъ ихъ обиліе желудей, а также густыя

*) Чеченцы, живущіе по Аргуну и его притокамъ, составляютъ одну изъ вѣтвей чеченскаго племени и извѣстны подъ именемъ *кистинъ*.

дубовыя заросли, не теряющія листьевъ даже зимою. Въ нихъ свиньямъ очень хорошо укрываться отъ враговъ.

Во время зимняго посѣщенія этихъ мѣстъ я предпринялъ изъ Шатоя поѣздку въ одинъ изъ самыхъ глухихъ ауловъ Чечни— въ Соной, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсами. Онъ расположенъ къ юго-востоку отъ Шатоя, но уже не въ ущельѣ Чанты-Аргуна. Недалеко отъ Шатоя мы должны были проѣзжать черезъ множество маленькихъ чеченскихъ поселеній (Памятой, Бекумъ-кале, Маршинъ-кале, Хали-кале и т. д.), дальше-же дорога потянулась лѣсомъ, по совершенно глухой мѣстности. Соной представляетъ маленькій чеченскій аульчикъ, расположенный очень высоко на небольшой полянѣ, которая окружена обширными лѣсами, состоящими по-преимуществу изъ бука (Fagus silvatica). Онъ отстоитъ отъ Шаро-Аргуна по прямой линіи всего лишь верстъ на шесть.

Изъ Соноя мы ѣздили нѣсколько разъ на охоту, но неудачно. Стрѣлять пришлось только одного большого кабана, который, будучи раненъ, бросился на собаку и клыкомъ разсѣкъ ей ногу. Во время поѣздокъ по окрестностямъ Соноя я видѣлъ довольно много птицъ—вороновъ, обыкновенныхъ воронъ, сорокъ, соекъ (Garrulus-Krynickii Kalen.), снѣгирей, хохлатыхъ жаворонковъ (Alauda cristata L.) и горныхъ овсянокъ (Emberiza cia L.). Послѣднія живутъ здѣсь зимою по-преимуществу на дворахъ вмѣстѣ съ воробьями, а лѣтомъ на поляхъ, вблизи дорогъ, и вообще на открытыхъ мѣстахъ. Часто попадаются пестрые дятлы (Picus Poelzami Bogd.), которые залетаютъ на дворы и даже въ сараи, какъ это наблюдалъ я самъ. Около Соноя я видѣлъ ягнятника (Gipaëtos barbatus L.) и двухъ дрофъ, которыя высоко летѣли прямо на югъ съ очевиднымъ намѣреніемъ перебраться черезъ Главный Кавказскій хребетъ въ Закавказье. По дорогѣ къ Соною 28 декабря попадались мнѣ также дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.) и зяблики, которые, слѣдовательно, зимуютъ здѣсь.

Во время одной облавной охоты недалеко отъ Соноя мнѣ пришлось въ ясный солнечный день сидѣть въ ожиданіи кабановъ на вершинѣ гребня, на высотѣ болѣе 4000 ф. у самаго обрыва надъ глубокимъ ущельемъ Шаро-Аргуна. Съ занимаемаго мною мѣста открывались такія безподобныя картины, какія мнѣ рѣдко приходилось видѣть. Надо замѣтить, что въ это время все ущелье, всѣ балки и горы, за исключеніемъ отвѣсныхъ скалъ, были сплошь покрыты снѣгомъ и блестѣли какъ будто-бы одѣтыя серебромъ или усыпанныя алмазами. На этомъ бѣломъ блестящемъ фонѣ не-

обыкновенно красиво и съ замѣчательной отчетливостью обрисовывались не только цѣлые лѣса, но и отдѣльныя деревья, находившіяся отъ насъ на разстояніи цѣлаго десятка верстъ. Особенно красиво выдѣлялись небольшіе островки лѣса, растущаго у самаго верхняго пояса горъ и окруженнаго со всѣхъ сторонъ снѣгами. Внизу, на днѣ ущелій, лѣса были серебристо-бѣлыми отъ осѣвшаго на деревья инея, а ближе къ вершинамъ горъ казались черно-синими или почти черными. Самыя очертанія горъ были также замѣчательно красивы. Въ западной сторонѣ возвышались двѣ рядомъ стоящія громадныя пирамиды, внизу покрытыя лѣсомъ, а наверху бѣлыя, блестящія и безъ малѣйшаго темнаго пятнышка. Лѣвѣе ихъ, почти прямо на югѣ, надъ глубокимъ ущельемъ Шаро-Аргуна была видна еще одна высокая, покрытая снѣгомъ гора; вдоль склоновъ ея располагались въ нѣсколько параллельныхъ ярусовъ черные уступы отвѣсныхъ скалъ. На юго-востокѣ тянулся необыкновенно красивый кряжъ—Дайскія горы*), съ длиннымъ рядомъ стройныхъ остроконечныхъ пирамидальныхъ вершинъ, а за нимъ виднѣлся еще болѣе высокій хребетъ, съ болѣе плоскими и притупленными вершинами, сплошь покрытый снѣгомъ. Внизу, на днѣ глубокаго ущелья, шумѣлъ Шаро-Аргунъ, имѣвшій видъ узкой и извилистой темно-зеленой ленты. Вслѣдствіе необыкновенно быстраго теченія онъ никогда не бываетъ скованъ льдомъ. Очень красивы были и тѣ скалы и кручи, которыя поднимались надъ берегами Аргуна и составляли бока той тѣснины, по которой онъ течетъ. Лѣтомъ, когда на всѣхъ этихъ горахъ снѣга почти нигдѣ нѣтъ, онѣ, безъ сомнѣнія, представляются гораздо менѣе красивыми, чѣмъ въ зимнее время.

За Шатоемъ долина Аргуна остается на нѣкоторомъ протяженіи болѣе или менѣе просторной и широкой, а затѣмъ быстро съуживается, превращаясь въ настоящую тѣснину. Здѣсь въ ней есть много замѣчательныхъ по красотѣ мѣстъ. Аргунъ течетъ въ глубокой пропасти съ совершенно отвѣсными бѣлыми стѣнами изъ раздѣляющагося на тонкіе горизонтальные пласты известняка. Надъ самымъ краемъ этой пропасти по узкому карнизу, высѣченному въ скалахъ, вьется шоссейная дорога, а надъ нею громоздятся еще болѣе высокія бѣлыя-же отвѣсныя скалы. На самомъ верху ихъ растетъ мелкій, но очень густой лѣсъ. Съ мѣста, находящагося

*) Дайскія горы—мѣстное названіе по аулу Дай.

при началѣ этой тѣснины, открывается очень красивый видъ на сѣверъ—на Хайкаламъ, Шатой и всѣ окружающія его горы.

Выше этихъ мѣстъ, находящихся всего лишь верстахъ въ 5—6 отъ Шатоя, Аргунское ущелье становится еще болѣе узкимъ и тѣснымъ. Здѣсь находится аулъ Нихалой, а противъ него черезъ страшно глубокую и необыкновенно узкую пропасть, на днѣ которой въ темной мглѣ съ ревомъ несется Аргунъ, переброшенъ узкій, зыбкій, сдѣланный изъ плетня мостикъ для пѣшеходовъ. Русскіе называютъ его Чортовымъ мостомъ. Онъ виситъ надъ водою на высотѣ не менѣе 30 саженъ *). Когда проходишь по нему, онъ такъ сильно качается подъ ногами вверхъ и внизъ, что чувствуешь себя какъ будто-бы на качеляхъ, но, конечно, далеко не такъ покойно. Мысль о томъ, что этотъ мостикъ легко можетъ оборваться и что тогда придется вмѣстѣ съ нимъ полетѣть въ такую страшную бездну, гдѣ течетъ не рѣка, а бѣшеный мутный потокъ, способный въ нѣсколько секундъ превратить человѣка въ безформенный кусокъ мяса,—мысль эта дѣйствуетъ на нервы очень непріятно. Мостикъ въ этомъ мѣстѣ существовалъ, какъ говорятъ, еще во времена Шамиля.

II.

Башинъ-кале. Ущелье Аргуна выше Башинъ-кале. Евдокимовское укрѣпленіе. Фауна и флора его окрестностей. Рѣка Хельдихерой. Подъемъ къ Санчхою. Аулъ Чамгой. Тюиллой и его обитатели. Котловина Мацехчу и окружающія ее горы. Охота за турами. Пойманный туренокъ.

Верстахъ въ 10 отъ Шатоя, вверхъ по ущелью Чанты-Аргуна, находятся развалины укрѣпленія Башинъ-кале. Передъ нимъ Аргунское ущелье дѣлается еще красивѣе, чѣмъ вблизи Шатоя, но пріобрѣтаетъ уже болѣе суровый и дикій характеръ. Оно окаймлено почти отвѣсными бѣловатыми скалами, напластованіе которыхъ страшно перепутано. Очевидно, здѣсь когда-то происходили частые сильные сдвиги, смѣщенія и разрывы геологическихъ пластовъ. Противъ самаго Башинъ-кале ущелье Аргуна снова расширяется, причемъ скалы отходятъ на заднiй планъ, а вмѣсто нихъ выступаютъ болѣе или менѣе пологіе склоны горъ, которые въ началѣ лѣта бываютъ покрыты изумрудно-зеленой травой и хлѣбными полями. Среди нихъ возвышаются кое-гдѣ красивыя группы скалъ. Здѣсь-же разбросаны отдѣльные домики чеченцевъ. Надъ этими мѣстами виднѣются уже вершины горъ, покрытыя лѣсами.

*) Камень, брошенный съ моста внизъ, летитъ до воды 4 секунды.

От бывшаго укрѣпленія Башинъ-кале къ Аргуну идетъ крытая камнемъ подземная галлерея. По ней во время Кавказской войны наши солдаты ходили изъ укрѣпленія къ рѣчкѣ за водой, не подвергаясь при этомъ опасности попасть подъ непріятельскія пули, которыя пускались въ нихъ съ сосѣднихъ горъ и лѣсовъ.

Тотчасъ за Башинъ-кале Аргунское ущелье очень сильно съуживается, превращаясь въ тѣснину съ совершенно отвѣсными высокими стѣнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аргунъ дѣлается здѣсь такимъ узкимъ, что черезъ него можно было-бы перепрыгнуть, если бы это не представляло особенной опасности. Есть мѣста, гдѣ ширина его не превосходитъ 5—6 аршинъ. Зато съ какой страшной быстротой и ревомъ мчится онъ между скалами! Въ этой тѣснинѣ также переброшенъ черезъ него на головокружительной высотѣ легкій качающійся мостикъ, который напоминаетъ описанный уже Чортовъ мостъ. Недалеко отъ этого мостика мы въ первый разъ встрѣтили въ ущельѣ Шаро-Аргуна сосны.

Выше мостика ущелье Аргуна снова замѣтно расширяется, и здѣсь въ немъ находится много необыкновенно красивыхъ мѣстъ. По берегу рѣки, которая бѣшено мчится между выступами скалъ и грудами камней, извивается шоссейная дорога, а надъ нею громоздятся высокія отвѣсныя или даже нависшія скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ уцѣлѣли старинныя четыреугольныя каменныя башни, защищавшія ущелье отъ вторженія непріятеля. Въ этой части ущелья лѣсовъ уже почти нѣтъ, но на скалахъ, а въ особенности у подножья ихъ растутъ различныя кустарныя породы. Къ нимъ принадлежатъ барбарисъ, котораго мѣстами даже очень много, одинъ видъ **Spiraea** (волжанка, изъ которой дѣлаютъ палки, кнутовища и ручки для плетей), можжевельникъ (особенно карликовый можжевельникъ—**Juniperus nana**) и, наконецъ, прославленная кузьмичева трава (**Ephedra sp.?**). Кое-гдѣ встрѣчаются здѣсь болѣе или менѣе сплошныя дубовыя заросли, но онѣ состоятъ по-преимуществу изъ кривыхъ низкорослыхъ деревцевъ. Выше Башинъ-кале я видѣлъ, кажется, единственный въ этой мѣстности волошскій орѣхъ. Изъ травянистыхъ растеній и здѣсь очень часто попадается **Vincetoxicum nigrum**.

Скалы, ограничивающія Аргунское ущелье, образовались изъ нептунических породъ. На протяженіи многихъ верстъ отъ Шатоя онѣ состоятъ изъ известняковъ бѣлаго или свѣтло-сѣраго цвѣта. Внутри этой породы часто встрѣчаются крупные и мелкіе кристаллы известковаго шпата, а въ одномъ мѣстѣ между толщами

обыковенныхъ известняковъ (углекислая изв.) залегаютъ пласты алебастра, который и добывается здѣсь чеченцами для продажи. Еще выше, вдоль ущелья, за известняками тянутся песчаники, образующіе также высокія скалы, но простирающіеся не непрерывно, а чередуясь то съ глинистыми сланцами, то съ известняками. Глинистые сланцы имѣютъ здѣсь сѣрый или почти черный цвѣтъ, какой бываетъ обыкновенно у аспиднаго сланца, а известняки во многихъ мѣстахъ сильно вывѣтрились, потемнѣли и сдѣлались рыхлыми и ноздреватыми. Въ одномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу Аргуна, въ скалы внѣдрено множество особаго рода конкрецій въ видѣ правильныхъ шарообразныхъ бомбъ величиною съ большой арбузъ или даже порядочную тыкву. Онѣ имѣютъ почти тотъ-же составъ, какъ и заключающія ихъ скалы, и, какъ кажется, никакихъ особенныхъ образованій внутри себя не содержатъ.

Верстахъ въ 3—4 отъ Башинъ-кале, противъ небольшого аула Денкале, въ Аргунъ впадаетъ съ правой и съ лѣвой стороны по одной рѣчкѣ, и Аргунское ущелье снова замѣтно расширяется; но и здѣсь оно имѣетъ очень бѣдную растительность и потому отличается печальнымъ, унылымъ видомъ. Еще выше, именно верстахъ въ семи отъ Денкале, расположено на Аргунѣ Евдокимовское укрѣпленіе; за нимъ слѣдуетъ уже настоящая глушь, гдѣ русскихъ совсѣмъ нѣтъ, а живутъ въ самыхъ маленькихъ горныхъ аулахъ только чеченцы или, точнѣе, кистины.

Евдокимовское состоитъ изъ каменной башни, построенной на откосѣ горы, маленькой крѣпостцы и аула Итумъ-кале, населеннаго чеченцами. Въ крѣпости живетъ офицеръ и находящіеся подъ его командой солдаты, которые приходятъ сюда изъ Шатоя. Такъ какъ Евдокимовское не отличается жизненными удобствами и пребываніе въ немъ представляетъ своего рода ссылку, то офицеръ и находящіеся подъ его командой нижніе чины (кажется, одинъ взводъ) присылаются сюда на короткое время (на одинъ или на два мѣсяца), по истеченіи котораго возвращаются въ Шатой и замѣняются другими. Офицеру не съ кѣмъ сказать здѣсь слова, такъ какъ русскихъ, кромѣ солдатъ, нѣтъ вовсе, а чеченцы народъ не только мало развитой, но даже полудикій. Такимъ образомъ, положеніе офицера въ Евдокимовскомъ укрѣпленіи оказывается скучнымъ до невозможности.

Проѣзжая черезъ укрѣпленіе, мы сдѣлали визитъ офицеру, который принялъ насъ очень любезно и, какъ замѣтно, былъ радъ случаю поболтать съ нами часъ или два. Отъ него я, между про-

чимъ, услышалъ, что около Евдокимовскаго водится очень много скорпіоновъ; сначала я съ недовѣріемъ отнесся къ этому сообщенію, такъ какъ не встрѣчалъ скорпіоновъ ни около Шатоя, ни около Воздвиженской, т. е. въ мѣстахъ болѣе низкихъ и теплыхъ, чѣмъ Евдокимовское. Я высказалъ свое сомнѣніе и спросилъ офицера, не принимаетъ ли онъ за скорпіоновъ какихъ-нибудь другихъ пауковъ или насѣкомыхъ. Чтобы разубѣдить меня, онъ тотчасъ показалъ мнѣ коробочку, въ которой сидѣлъ настоящій скорпіонъ. На обратномъ пути я занялся около Евдокимовскаго ловлей этихъ животныхъ, которыхъ оказалось такъ много, что за одинъ часъ мнѣ удалось поймать ихъ штукъ 50. Почти подъ каждымъ камнемъ можно было найти одного, а нерѣдко двухъ или трехъ скорпіоновъ. Это были маленькія, длиною отъ 4 до $5^1/_2$ сант. животныя, принадлежащія къ виду **Buthus caucasicus Fisch**. Они имѣли довольно темную окраску, въ особенности на верхней сторонѣ головогруди. Объ укушеніи ими людей, какъ мнѣ сообщали, здѣсь вовсе не слышно. Это можно отчасти объяснить тѣмъ, что чеченцы никогда въ этой мѣстности не ночуютъ на поляхъ, предпочитая съ работъ вечеромъ возвращаться домой; скорпіоны-же, какъ извѣстно, днемъ сидятъ въ своихъ темныхъ убѣжищахъ и только ночью вылѣзаютъ изъ нихъ.

Аулъ Итумъ-кале, находящійся около крѣпости, состоитъ изъ маленькихъ невзрачныхъ чеченскихъ саклей. Въ немъ есть, однако, нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Что касается самаго ущелья, то оно около Евдокимовскаго не такъ узко и покрыто на большей части своего протяженія приземистой травкой, а кое-гдѣ и кустарникомъ, который растетъ на мѣстахъ, бывшихъ прежде подъ лѣсомъ.

Около Башинъ-кале и Евдокимовскаго намъ попадалось довольно много бѣлыхъ плисокъ (**Motacilla alba L.**), горныхъ плисокъ (**Motacilla boarula L.**) и чекановъ (**Saxicola oenanthe L.**); корольковые вьюрки (**Serinus pusillus Pall.**) попадаются здѣсь очень часто, своимъ голосомъ и веселымъ нравомъ очень оживляютъ эти мрачныя и пустынныя мѣста и обращаютъ на себя вниманіе красивымъ опереніемъ, особенно самцы, имѣющіе, какъ извѣстно, темя и лобъ очень яркаго огненно-краснаго цвѣта. Около Евдокимовскаго, преимущественно тамъ, гдѣ есть кустарники и деревья, часто попадаются дрозды-дерябы (**Turdus viscivorus L.**), а вблизи скалъ носятся взадъ и впередъ горныя ласточки (**Cotyle rupestris Scop.**), своей мутно-сѣрой, однообразной окраской очень

напоминающія цвѣтъ скалъ. Воронъ, сѣрая ворона и красноносая альпійская ворона (Fregilus graculus L.) попадаются тоже довольно часто.

Вблизи Евдокимовскаго въ Аргунъ впадаетъ съ правой стороны рѣчка, которая течетъ по очень глубокому ущелью съ крутыми склонами. Послѣдніе вблизи сліянія этой рѣчки съ Аргуномъ покрыты мелкимъ лѣсомъ, а кое-гдѣ болѣе или менѣе скалисты; что-же касается верховьевъ рѣчки, то тамъ виденъ крупный сплошной лѣсъ. Довольно порядочные и также болѣе или менѣе сплошные лѣса растутъ и въ другихъ ущельяхъ и балкахъ. Вообще, около Евдокимовскаго по Аргуну и его притокамъ находится много лѣсовъ, которые составляютъ такъ называемую Евдокимовскую лѣсную дачу. Въ ней встрѣчаются почти тѣ-же древесныя и кустарныя породы, которыя свойственны лѣсамъ, растущимъ при началѣ Аргунскаго ущелья, съ тѣмъ отличіемъ, что ясень и кленъ, особенно остролистный попадаются значительно чаще; кромѣ того, на большихъ высотахъ, преимущественно у верхней границы лѣсовъ, въ этой дачѣ растетъ много березы, рябины и кавказскаго горнаго клена (Acer Trautvetteri Medw.). Издали его деревца, унизанныя безчисленнымъ множествомъ крупныхъ розово-красныхъ крылатокъ, кажутся кровяно-красными, очень красивыми и оригинальными. Въ этихъ-же лѣсахъ часто встрѣчается сосна, а въ нижней части ущелья дикія груши и яблони; кромѣ того, въ тѣнистыхъ мѣстахъ растетъ крыжовникъ (Ribes Grossularia) и смородина (R. alpinum и R. petraeum). Можжевельникъ (Juniperus communis) и волжанка (Spiraea sp.?) встрѣчаются, конечно, и здѣсь, но преимущественно по освѣщеннымъ солнцемъ каменистымъ мѣстамъ.

Въ Евдокимовскомъ мы отдохнули, покормили своихъ лошадей, переждали самые жаркіе часы дня и, когда солнце уже замѣтно склонилось къ западу, отправились дальше вверхъ по Чанты-Аргуну. Ущелье его около Евдокимовскаго поворачиваетъ почти прямо на западъ и вскорѣ значительно измѣняетъ свой характеръ. Оно замѣтно расширяется, особенно нижняя часть его, вслѣдствіе чего Аргунъ течетъ здѣсь уже не въ глубокой тѣснинѣ, обставленной отвѣсными скалами, а по широкому, просторному дну ущелья и притомъ въ низкихъ берегахъ. Теченіе его, однако, и въ этихъ мѣстахъ очень быстро. Надъ плоскимъ дномъ ущелья и здѣсь поднимаются высокія горы, но на нихъ почти всюду зеленѣютъ лѣса, между которыми видны пастбища и сѣнокосныя

мѣста, а такихъ громадныхъ голыхъ скалъ, какъ около Башинъкале, нѣтъ вовсе. Верстахъ въ 10 отъ Евдокимовскаго намъ пришлось проѣзжать недалеко отъ аула Бечикъ, расположеннаго на горѣ по лѣвую сторону Аргуна. Около Бечика ущелья и верховья небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Аргунъ, также покрыты почти сплошными лѣсами. Съ дороги противъ этихъ мѣстъ открывается видъ на глубокое и сравнительно длинное (верстъ 20) ущелье рѣчки Кій, впадающей въ Аргунъ съ лѣвой стороны. Оно тянется приблизительно съ СЗ. на ЮВ.; правая сторона его, обращенная на СВ., покрыта почти сплошными и довольно крупными лѣсами, а лѣвая—болѣе мелкими и рѣдкими. Только самыя верховья этой рѣчки безлѣсны. Въ ущельѣ рѣчки Кій водится, какъ сообщали мнѣ, довольно много дичи и въ особенности безоаровыхъ козловъ (Aegoceros aegagrus Pall.).

Противъ Бечика въ Аргунъ съ правой стороны впадаетъ другая, довольно большая рѣчка—Хельдихерой. Въ этомъ мѣстѣ намъ пришлось разстаться съ Чанты-Аргуномъ, по ущелью котораго мы проѣхали уже болѣе полусотни верстъ. Вечеромъ мы добрались до небольшого чеченскаго аула Курды и здѣсь остались ночевать. Весь этотъ аулъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ саклей, построенныхъ изъ дерева и имѣющихъ плоскія крыши, которыя усыпаны мелкимъ шиферомъ. Одинъ изъ жителей Курды отвелъ намъ свою кунацкую и принялъ насъ очень любезно.

Такъ какъ изъ аула Курды нельзя проѣхать по тѣсному и крайне скалистому ущелью Хельдихероя въ аулъ Тюиллой, куда мнѣ хотѣлось попасть, чтобы изъ него отправиться на окружающія его горы, то мы должны были подняться на очень высокій хребетъ, находящійся по лѣвую сторону ущелья Хельдихероя, проѣхать по хребту десятка два верстъ и потомъ уже снова спуститься къ рѣчкѣ Тюиллой, составляющей одинъ изъ истоковъ Хельдихероя. По дорогѣ намъ должны были встрѣтиться еще два аула—Санчхой и Чамгой.

Изъ Курды мы выѣхали довольно рано съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы подняться на упомянутый высокій хребетъ еще до наступленія жары. Подъемъ этотъ начинается недалеко отъ сліянія Аргуна съ Хельдихероемъ, тянется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и такъ крутъ, что большую часть его мы должны были пройти пѣшкомъ. Въ нижней половинѣ его дорога идетъ большею частью лѣсомъ, дѣлая множество зигзаговъ въ ту и другую сторону; дальше она извивается то по лѣсу, то по полянамъ и,

наконецъ, выходитъ на горные луга, занимающіе болѣе или менѣе обширное пространство. Во многихъ мѣстахъ эту дорогу пересѣкаютъ крутыя балки. Лѣсъ, растущій по сторонамъ дороги, состоитъ изъ ольхи, осины, вербы, дуба, липы, березы, сосны и другихъ породъ. Липа встрѣчается здѣсь очень часто, а многія сосны имѣютъ болѣе обхвата въ толщину. Въ этихъ же мѣстахъ растетъ можжевельникъ (Juniperus communis L.), много черники и рододендроновъ; но ели и пихты, которыя составляютъ красу горныхъ лѣсовъ западнаго Кавказа и являются тамъ преобладающими лѣсными породами, здѣсь нѣтъ вовсе. Альпійскіе луга этихъ мѣстъ очень красивы и представляютъ пестрый коверъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ, но по своей пышности замѣтно уступаютъ горнымъ лугамъ западнаго Кавказа. На нихъ растетъ множество истодовъ (Polygala), разные виды Inula, много розовой персидской ромашки (Pyrethrum roseum), Polygonum Bistorta, Galium, Veratrum и т. д. Пышная, съ большими свѣтло-розовыми цвѣтами Betonica grandiflora попадается и здѣсь, но гораздо рѣже, чѣмъ на альпійскихъ лугахъ западнаго Кавказа. Изъ горныхъ породъ въ этихъ мѣстахъ я видѣлъ только аспидный сланецъ.

Когда крутой подъемъ на гору кончился, тропинка потянулась вдоль косогора; на протяженіи нѣсколькихъ верстъ она шла по горнымъ лугамъ, извиваясь нерѣдко надъ самымъ краемъ глубокихъ обрывовъ или очень крутыхъ откосовъ. Въ то время, когда мы поднимались на гору и проходили по горнымъ лугамъ, шелъ довольно сильный дождь, наша тропинка сдѣлалась очень скользкой и вслѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ небезопасной. Намъ часто приходилось слѣзать съ лошадей и пробираться пѣшкомъ. Въ это время мы могли любоваться съ птичьяго полета чудной панорамой глубокаго живописнаго ущелья Хельдихероя. Вдоль крутыхъ обрывистыхъ склоновъ его двигались, цѣпляясь за скалы, большіе клубы и мелкіе клочки облаковъ, которые вѣтеръ быстро гналъ вверхъ по ущелью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти облака скоплялись въ гораздо большемъ количествѣ и различныя части ущелья то скрывались въ нихъ, то выступали снова. Коегдѣ, наконецъ, на склонахъ ущелья блестѣло солнце, ярко освѣщая скалы, луга и лѣса. На здѣшнихъ горныхъ лугахъ мы вспугнули небольшую стайку горныхъ курочекъ (Perdix chukar Gray). Онѣ сѣли недалеко отъ насъ, но, когда одинъ изъ моихъ проводниковъ началъ подкрадываться къ нимъ, взлетѣли и скрылись изъ вида въ глубокой балкѣ.

За только что описаннымъ косогоромъ слѣдовалъ спускъ къ Санчхою; онъ тянулся на пространствѣ около полуторы версты. Санчхой расположенъ на значительной высотѣ и занимаетъ очень красивое мѣстоположеніе. Съ него открывается видъ на пять довольно большихъ ущелій и нѣсколько меньшихъ. Почти всѣ они соединяются другъ съ другомъ около Санчхоя, поэтому видны съ него особенно хорошо. Нѣкоторыя изъ нихъ замыкаются вдали очень высокими, скалистыми и покрытыми снѣгомъ горами. Самую высокую изъ нихъ чеченцы называютъ Доко-кортъ и говорятъ, что на вершину ея никогда не всходилъ человѣкъ и можетъ взлетѣть только птица. Руководствуясь картой, а также принимая во вниманіе нѣкоторыя другія обстоятельства, я съ увѣренностью могу сказать, что эта гора и есть Тебулосъ-мта—высочайшая вершина всей восточной половины Кавказа, отстоящая отъ Санчхоя всего лишь на 15 верстъ. Подъ этимъ грузинскимъ именемъ она значится на всѣхъ картахъ Кавказа, а высота ея равняется, какъ извѣстно, 14781 ф. (4506 м.). Ближайшія къ Санчхою горы покрыты лугами и лѣсомъ, а болѣе далекія состоятъ изъ скалъ, на которыхъ кое-гдѣ лежатъ, даже въ лѣтнее время, полосы и пятна снѣга.

Санчхой представляетъ маленькій аулъ, населенный чеченцами. Заброшенные въ глубину горъ, они имѣютъ очень мало годной для обработки земли, занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ и живутъ вообще бѣдно.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Санчхоя находится другой маленькій аулъ—Чамгой. Дорога къ нему идетъ все время по горнымъ лугамъ, съ которыхъ открывается чудный видъ не только на сосѣднія мѣста, но и на далекія горы и, между прочимъ, на высокій, покрытый вѣчными снѣгами Пирикительскій хребетъ. Чамгой расположенъ очень высоко—на высотѣ слишкомъ $6^1/_2$ тысячъ футовъ. Хорошаго лѣса около него нѣтъ, поэтому всѣ сакли его выстроены изъ каменныхъ плитъ и имѣютъ плоскія крыши, усыпанныя мелкимъ шиферомъ. Изъ Чамгоя также открываются очень красивые виды на нѣсколько ущелій, замыкающихся вдали высокими скалистыми и остро-зубчатыми гребнями горъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ довольно большой котловинѣ, виднѣются на нихъ порядочныя снѣжныя поля, переходящія въ нижней своей части въ маленькій глетчеръ. Изъ него вытекаетъ блестящая, какъ серебро, рѣчка, которая, прыгая съ камня на камень и съ уступа на уступъ, несется съ страшно крутой горы. Ниже глет-

чера видны нагроможденныя кучи камней, т. е. старыя морены его, и длинная полоса снѣга, которая тянется внизъ вдоль ущелья и на значительномъ протяженіи скрываетъ подъ собой рѣчку. Всѣ прочія горы, видимыя отсюда на югѣ и юго-западѣ, лишены снѣжныхъ полей и тѣмъ болѣе глетчеровъ, а украшены только пятнами, лентами и зубчатыми, извилистыми полосками снѣга, которыя на черномъ фонѣ скалъ образуютъ необыкновенно изящную, блестящую, какъ серебро, сѣтку, напоминающую художественную, ажурную работу. Ближайшія къ Чамгою горы покрыты то горными лугами, то перелѣсками, состоящими изъ березы, можжевельника и рододендроновъ. Недалеко отъ Чамгоя стоитъ нѣсколько старинныхъ четыреугольныхъ каменныхъ башенъ съ бойницами. Онѣ построены по двѣ, одна около другой, на крутыхъ уступахъ горъ, возвышающихся надъ ауломъ.

Такъ какъ въ Чамгой мы пріѣхали незадолго до вечера и притомъ въ дурную погоду, то порѣшили остаться въ немъ ночевать. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей принялъ насъ очень любезно и отдалъ въ наше распоряженіе чистую и просторную кунацкую, гдѣ мы отдохнули и отлично проспали до слѣдующаго утра.

Изъ Чамгоя намъ надо было отправиться уже прямо въ Тюиллой, послѣдній аулъ въ этой мѣстности. Онъ отстоитъ отъ Чамгоя по прямой линіи всего лишь на 6—7 верстъ, но дорога къ нему такъ плоха, что большую часть ея приходится пройти пѣшкомъ и употребить на это часа три. Эта дорога вьется по высокимъ горамъ, которыя тянутся по лѣвой сторонѣ ущелья Хельдихероя. Отъ Чамгоя она идетъ вначалѣ круто внизъ, въ глубокую балку, находящуюся къ югу отъ аула, переходитъ черезъ небольшую рѣчку, которая течетъ по дну этой балки, и снова поднимается на крутую гору. За балкой дорога на значительномъ протяженіи тянется по лѣсу, большая часть котораго растетъ на крутыхъ скалахъ. Она и здѣсь очень плоха и такъ камениста, что ѣхать по ней почти невозможно. Мѣстность по сторонамъ дороги и вдали отъ нея очень красива и болѣе или менѣе лѣсиста. Лѣсъ состоитъ изъ деревьевъ среднихъ размѣровъ; между ними преобладаютъ сосны и, кромѣ того, часто попадается береза, рябина и букъ. Изъ кустарныхъ растеній въ немъ растутъ можжевельники, жимолость (Lonicera), рододендроны, карликовая ива (Salix arbuscula) и нѣкоторыя другія. Здѣсь-же встрѣчается часто черника, брусника и красивая Daphne glomerata. Rhododendron ponticum я видѣлъ только въ одномъ мѣстѣ, но зато въ очень большомъ ко-

личествѣ. Выше границы лѣсовъ на этихъ горахъ тянется широкая зона альпійскихъ луговъ, гораздо болѣе пышныхъ и красивыхъ, чѣмъ вблизи Санчхоя и Чамгоя. На нихъ встрѣчается множество прекрасныхъ свѣтло-голубыхъ незабудокъ (Myosotis silvatica), нѣсколько видовъ вероники, чудныя темно-синія Gentiana pyrenaica, крупные свѣтло-голубые колокольчики или водосборъ (Aquilegia olympica) Silene, Polygala comosa, P. vulgaris, Asperula cynanchica, Galium verum, Viola altaica и т. д. Въ лѣсахъ, которые растутъ ниже дороги на крутыхъ склонахъ ущелья Хельдихероя и на скалахъ, водятся безоаровые козлы. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, не пожелавшій итти по дорогѣ и отправившійся болѣе прямымъ путемъ черезъ лѣсъ и скалы, видѣлъ двухъ такихъ козловъ, но ему не удалось подкрасться къ нимъ на выстрѣлъ. Еще въ Чамгоѣ мнѣ говорили, что въ этихъ мѣстахъ, такъ мало удаленныхъ отъ человѣческихъ жилищъ, водятся безоаровые козлы, но мнѣ показалось такое сообщеніе маловѣроятнымъ; послѣ-же, убѣдившись въ справедливости его, я очень жалѣлъ, что отправился въ Тюиллой не черезъ скалы и лѣса, гдѣ мнѣ, можетъ быть, представился бы случай поохотиться за этой рѣдкой и интересной дичью.

Проѣхавъ по горнымъ лугамъ нѣсколько верстъ, мы начали спускаться къ аулу Тюиллой, который расположенъ на правомъ берегу р. Тюиллоя, составляющаго, какъ было сказано, одинъ изъ истоковъ Хельдихероя. Этотъ спускъ также оказался очень крутымъ и каменистымъ. Тюиллой представляетъ маленькій аульчикъ, заброшенный въ самыя глухія и дикія трущобы горъ. Хотя онъ расположенъ на днѣ ущелья, но тѣмъ не менѣе лежитъ очень высоко—на высотѣ слишкомъ 5900 ф. За нимъ по ущелью Хельдихероя слѣдуютъ уже безлюдныя горы; на нихъ живутъ только звѣри и птицы, да въ теченіе двухъ съ половиной или трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ кочуютъ чеченцы-пастухи со своими стадами. Тюиллой состоитъ всего лишь изъ нѣсколькихъ жилищъ, сложенныхъ изъ шиферныхъ плитъ и ими же покрытыхъ. Матеріала этого имѣется здѣсь подъ руками сколько угодно, и платить за него не приходится; поэтому нѣкоторые изъ жителей Тюиллоя, несмотря на свою бѣдность, выстроили довольно порядочныя по размѣрамъ сакли и содержатъ ихъ очень чисто. Почти всѣ онѣ стоятъ на крутыхъ косогорахъ, причемъ нерѣдко своимъ заднимъ фасадомъ упираются прямо въ гору. Внутри онѣ обмазаны глиной, что безусловно необходимо въ

здѣшнемъ холодномъ климатѣ. Большая часть жителей Тюиллоя, въ особенности женщины и дѣти, никогда не видѣли русскихъ, и мы были *), кажется, первыми, посѣтившими ихъ аулъ. Понятно, какой переполохъ долженъ былъ произвести среди нихъ нашъ совершенно неожиданный пріѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ тюиллойцы, которые были дома, собрались смотрѣть на насъ, какъ на какое-нибудь чудо. Мнѣ пришла въ голову мысль воспользоваться этимъ случаемъ и сдѣлать съ нихъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ; но, какъ оказалось, уговорить ихъ сняться было не легко. Въ кунацкой, гдѣ мы остановились, собралось въ это время много народа—старики, старухи, молодые люди, дѣвушки, женщины съ грудными младенцами, дѣти и т. д. Переговоры съ ними относительно фотографированія я поручилъ вести бывшему съ нами полѣсовщику-чеченцу, человѣку, хорошо знакомому съ большей частью жителей Тюиллоя и одной съ ними національности. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ онъ объявилъ мнѣ, что соглашаются сняться только женщины, мужчины-же не рѣшаются сдѣлать это изъ опасенія, какъ-бы мои снимки не причинили имъ впослѣдствіи много бѣдъ. Они говорили, что я покажу свои карточки какому нибудь начальству, а оно скажетъ, вотъ какіе люди живутъ въ Тюиллоѣ, съ ними надо то-то и то то сдѣлать и т. д. и т. д. Я отъ души пожалѣлъ этихъ запуганныхъ бѣдняковъ, которые высшимъ счастіемъ для себя считаютъ жить такъ, чтобы о нихъ никто не зналъ, не думалъ и не заботился. Женщинъ, среди которыхъ помѣстился и патріархъ Тюиллоя, старикъ лѣтъ 80, я снялъ подъ навѣсомъ у одной большой сакли. Здѣсь расположилось нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ, и такимъ образомъ получилась болѣе или менѣе интересная группа. Когда снялись женщины, въ толпѣ мужчинъ начался очень шумный разговоръ. Я спросилъ нашего проводника-чеченца, о чемъ они толкуютъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что нѣкоторые мужчины, ободренные примѣромъ своихъ женъ и сестеръ, также выражаютъ желаніе сняться. Я попросилъ еще разъ передать имъ, что никакія бѣды или непріятности угрожать имъ не могутъ, и, кромѣ того, обѣщалъ прислать въ Тюиллой въ подарокъ снимавшимся нѣсколько ихъ карточекъ. Послѣ болѣе или менѣе длинныхъ разговоровъ рѣшили сняться и мужчины. Черезъ нѣсколько

*) Въ нашей компаніи было три русскихъ и два чеченца-проводника.

мѣсяцевъ я выслалъ имъ карточки. Вѣроятно, онѣ вызвали немало удивленія, особенно среди женщинъ, которыя кромѣ Тюиллоя никогда ничего не видѣли.

Жители Тюиллоя приняли насъ очень любезно. Они отвели намъ довольно чистую, просторную кунацкую, тотчасъ-же согрѣли воды для чая, принесли молока, яицъ и сыра,—словомъ, охотно сдѣлали для насъ все, что могли. При нашемъ отъѣздѣ они долго не соглашались взять съ насъ деньги за все, доставленное ими.

Скажу теперь нѣсколько словъ вообще о чеченцахъ, живущихъ въ горахъ по Аргуну и его притокамъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать о нихъ, какъ о народѣ коварномъ, зломъ и крайне враждебно относящемся къ русскимъ. Не разъ говорили мнѣ, что чеченцы гораздо хуже, чѣмъ всѣ прочія племена, живущія на Кавказѣ. Неоднократно увѣряли меня, что отправиться путешествовать по Чечнѣ очень опасно, что тамъ легко могутъ не только обокрасть или ограбить, но и убить. Всѣ эти разсказы, можетъ быть, болѣе или менѣе справедливы по отношенію къ ингушамъ и чеченцамъ, живущимъ на плоскости, а въ особенности вблизи Владикавказа, въ Назрановскомъ аулѣ, въ Сурхахи и т. д., но вовсе невѣрны по отношенію къ тѣмъ, которые населяютъ горы. Они, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и разсказамъ лицъ, хорошо ихъ знающихъ, совсѣмъ не похожи на чеченцевъ, живущихъ на плоскости. Чеченцы-горцы—народъ бѣдный, но гораздо болѣе трудолюбивый, смирный и честный. Они очень вѣжливы, любезны, предупредительны и гостепріимны. Я нѣсколько разъ останавливался и ночевалъ въ Дачуборзоѣ, Улускертѣ, Сонoѣ и другихъ аулахъ и всегда пользовался полнымъ вниманіемъ своихъ хозяевъ. Неоднократно ѣздилъ ночью, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, по горамъ Чечни и никогда не случалось со мною ничего непріятнаго. Наоборотъ, вѣжливое и предупредительное отношеніе къ себѣ я имѣлъ случай наблюдать на каждомъ шагу. Едва, напр., успѣвалъ я достать папиросу, какъ кто-нибудь изъ чеченцевъ зажигалъ спичку и подносилъ ее мнѣ. Плату за ночлегъ, самоваръ или что-нибудь съѣстное чеченцы почти всегда долго отказывались принять, говоря, что по ихъ законамъ брать съ гостя деньги не полагается и стыдно. Въ одномъ аулѣ хозяинъ сакли, въ которой мы останавливались, наотрѣзъ отказался взять съ насъ деньги, и я былъ очень радъ, что могъ презентовать ему около фунта пороха. Другой подобный случай

произошелъ въ Улускертѣ, гдѣ я взялъ на день у одного изъ жителей верховую лошадь. Отъ платы за нее онъ упорно отказывался, и, когда я, можно сказать, насильно сунулъ ему въ карманъ рубль, онъ вынулъ его и обратно положилъ мнѣ въ карманъ. Конечно, чеченцы не могутъ вообще питать симпатій къ русскимъ и имѣютъ немало причинъ относиться враждебно къ намъ, но они, вѣроятно, это скрываютъ и держатъ себя въ большинствѣ случаевъ настоящими джентльменами.

Ущелье Туиллоя выше и ниже аула очень красиво, скалисто и круто. Въ болѣе узкихъ мѣстахъ оно стѣснено съ боковъ поднимающимися къ небу почти отвѣсными шиферными скалами, въ болѣе широкихъ—онѣ также образуютъ кручи градусовъ въ 45 и болѣе. Среди мрачныхъ скалъ видны на всемъ протяженіи ущелья красивыя зеленыя лужайки и карнизы, покрытые зеленой травой. Во многихъ мѣстахъ на нихъ растутъ кустики и деревья.

На правой, обращенной къ СЗ. сторонѣ ущелья здѣсь встрѣчается почти одна береза, а на лѣвой, солнечной кромѣ нея виднѣется много сосенъ, причемъ большая часть ихъ имѣетъ довольно порядочные размѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ образуютъ даже небольшіе сплошные лѣски. На днѣ ущелья во многихъ мѣстахъ царствуетъ почти вѣчная тѣнь, въ которую только въ полдень проникаютъ лучи солнца. Когда уже наступили сумерки, мы увидѣли у опушки одного изъ растущихъ между скалами лѣсовъ самку безоароваго козла съ козленкомъ. Они ходили на крутомъ склонѣ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ ауломъ. Итти за ними было уже поздно и, кромѣ того, непростительно было убивать самку, обрекая почти на вѣрную смерть козленка. Одинъ изъ чеченцевъ выстрѣлилъ таки въ козу, но, къ моей радости, сдѣлалъ промахъ. Попасть въ нее на такомъ разстояніи изъ азіатской винтовки было, впрочемъ, и невозможно.

По дну ущелья вблизи аула течетъ съ сильнымъ шумомъ очень быстрая, покрытая пѣной рѣчка Тюиллой, составляющая, какъ уже было замѣчено, одинъ изъ истоковъ Хельдихероя. Она несетъ чистую холодную воду, имѣетъ въ ширину аршинъ 15—20, и, кромѣ того, настолько многоводна и быстра, что переѣзжать черезъ нее верхомъ очень трудно и далеко не безопасно. Изъ аула Тюиллой видны болѣе или менѣе и верховья этой рѣчки, гдѣ ущелье ея замыкается съ трехъ сторонъ высокими, крутыми, какъ стѣна, черными скалами; по нимъ тянутся во всѣхъ направленіяхъ извилистыя полоски и змѣйки снѣга.

Такъ какъ мнѣ хотѣлось скорѣе добраться до самыхъ истоковъ Хельдихероя и осмотрѣть хотя нѣкоторые изъ нихъ, то мы, отдохнувъ въ Тюиллоѣ часа два, отправились вверхъ по ущелью его. Оно тянется здѣсь почти по прямой линіи съ СВ. на ЮЗ. на протяженіи верстъ 3 или 4 и по нему идетъ довольно сносная тропинка. Только въ одномъ мѣстѣ ее заграждаютъ скалы, которыя отвѣсной стѣною въ нѣсколько саженъ высоты упираются прямо въ рѣку. Чтобы объѣхать эти скалы, надо два раза перебраться вбродъ черезъ Тюиллой, текущій здѣсь необыкновенно быстро. Одинъ изъ моихъ спутниковъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ едва не погибъ вмѣстѣ со своею лошадью на этомъ переѣздѣ. Можно, впрочемъ, самому не переѣзжать рѣчку, а перелѣзть черезъ скалы, карабкаясь мѣстами на четверенькахъ, а лошадей перегнать черезъ рѣчку, но на это уходитъ лишнее время. Мы совершили двукратный переѣздъ черезъ Тюиллой благополучно, хотя набрали въ сапоги воды, подмочили вьюки и раза два были въ такомъ положеніи, когда можно было опасаться, что вотъ-вотъ вода собьетъ лошадь и понесетъ ее.

Недалеко отъ этого переѣзда Тюиллой разбивается на двѣ довольно порядочныя рѣчки, одна изъ которыхъ течетъ почти съ запада на востокъ, а другая съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Обѣ онѣ въ свою очередь принимаютъ по нѣсколько притоковъ, сходящихся къ одному мѣсту и представляющихъ въ общемъ вѣерообразное расположеніе. Вслѣдствіе этого здѣсь образуется большая, просторная и необыкновенно красивая котловина, прорѣзанная многими горными потоками, также сходящимися къ одному мѣсту, подобно радіусамъ круга. У мѣстныхъ жителей эта котловина извѣстна подъ именемъ Мацехчу. Въ общемъ она очень скалиста и окружена очень высокими крутыми горами, но на склонахъ ея есть довольно много мѣстъ, покрытыхъ прекрасными альпійскими лугами. Въ котловину Мацехчу скатываются съ сосѣднихъ горъ обломки скалъ, поэтому нижняя часть ея довольно сильно камениста; но и на ней есть много мѣстъ, покрытыхъ сочной изумрудно-зеленой травой со множествомъ мелкихъ альпійскихъ цвѣточковъ—генціанъ, незабудокъ, камнеломокъ (Saxifraga), роговика (Cerastium) и т. д. По этимъ причинамъ Мацехчу имѣетъ довольно важное значеніе для жителей Тюиллоя, которые въ лѣтніе мѣсяцы пасутъ здѣсь свой скотъ. На лугахъ этой котловины растетъ въ большомъ количествѣ чемерица (Veratrum album), конскій щавель (Rumex crispus), водосборъ (Aquilegia), Campanula, Veronica gentianoides, Ranunculus

caucasicus, Trifolium repens, Alchemilla argentea и особенно много незабудокъ и розовыхъ Polygonum Bistorta. Довольно часто попадается здѣсь, особенно на склонахъ, обращенныхъ къ солнцу, громадное травянистое растеніе борщевикъ (Heracleum pubescens). Деревца и кустарники также встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ, но изъ первыхъ растетъ только рябина и береза, и притомъ въ количествѣ довольно ограниченномъ. Размѣры ихъ также невелики, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя березки и достигаютъ вершковъ 3—4 въ діаметрѣ вблизи поверхности земли. Въ изрядномъ количествѣ встрѣчается обыкновенный можжевельникъ (Juniperus communis), а казачій (J. sabina) значительно рѣже. Наконецъ, на тѣнистыхъ склонахъ растетъ рододендронъ (Azalea pontica).

Видъ на котловину Мацехчу очень красивъ. Надъ зеленымъ дномъ ея поднимаются со всѣхъ сторонъ высочайшей, черной, какъ уголь, стѣной зубчатыя остроконечныя горы. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ онѣ блестятъ, какъ будто бы отполированныя или смазанныя масломъ, а на темномъ фонѣ ихъ ярко выступаютъ блестящія, какъ серебро, пятна, полосы, ленты и извилистыя змѣйки вѣчнаго снѣга. Ниже ихъ видны во многихъ мѣстахъ покрытые яркой зеленью склоны. Со всѣхъ горъ, окружающихъ Мацехчу, съ шумомъ скатываются внизъ рѣчки и ручьи съ безчисленнымъ множествомъ водопадовъ и покрытые бѣлой, какъ снѣгъ, блестящей пѣной. Они, соединившись вмѣстѣ, образуютъ рѣчку Тюиллой. Надъ всѣмъ этимъ виситъ еще чудный глубокій прозрачный темно-голубой сводъ альпійскаго неба.

Къ отрицательнымъ качествамъ котловины Мацехчу принадлежитъ то, что въ зимнее время на склонахъ горъ, окружающихъ ее, накопляется очень много снѣговъ, которые весною и въ началѣ лѣта образуютъ частыя лавины. Паденію ихъ сильно способствуетъ очень большая крутизна склоновъ и почти полное отсутствіе на многихъ изъ нихъ не только лѣса, но и одиночныхъ деревьевъ. Передъ входомъ въ эту котловину мнѣ показывали остатокъ небольшой землянки, въ которой передъ началомъ лѣта было засыпано и погибло подъ снѣгомъ восемь человѣкъ.

Часа за два до захода солнца мы добрались до сложенной изъ камня хижины, которая находилась почти въ центрѣ котловины Мацехчу и на высотѣ 8160 ф. надъ уровнемъ моря. Въ ней помѣщалось нѣсколько пастуховъ, которые пасли здѣсь своихъ овецъ и крупный рогатый скотъ. Прохладный, даже хо-

лодный вечеръ мы провели на открытомъ воздухѣ вблизи большого костра. Всѣ мои спутники рѣшили расположиться на ночлегъ въ пастушьей хижинѣ, а я отдалъ предпочтеніе своей палаткѣ, которую разбилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины. Въ ней было хотя и холоднѣе, но гораздо чище.

Не разъ я слышалъ, что на горахъ, окружающихъ Мацехчу, водится много туровъ, и потому, отправляясь въ эти мѣста, думалъ поохотиться здѣсь день или два, чтобы сколько-нибудь познакомиться съ здѣшними турами, ихъ образомъ жизни, и узнать, на какихъ мѣстахъ они по-преимуществу держатся. Пастухи говорили мнѣ, что еще на дняхъ они видѣли туровъ очень близко отъ своей стоянки и что вообще они попадаются здѣсь очень часто. Кромѣ того, я слышалъ, что скорѣе всего можно найти туровъ въ широкой балкѣ, которая тянется отъ западной части котловины. Это мѣсто, какъ лучшее, было обѣщано мнѣ для охоты, и я долженъ былъ отправиться туда на слѣдующій день передъ разсвѣтомъ вмѣстѣ съ однимъ чеченцемъ-охотникомъ. Къ сожалѣнію, все касающееся охоты у насъ шло не такъ, какъ слѣдуетъ. Изъ Воздвиженской отправилось насъ, охотниковъ, не двое, какъ я хотѣлъ, а трое; кромѣ того, два охотника изъ Тюиллоя, узнавъ, что мы отправляемся въ Мацехчу и имѣемъ въ виду поохотиться за турами, вздумали сами отправиться туда, но совершенно самостоятельно. Эти два охотника полѣзли на горы изъ Тюиллоя и вечеромъ спустились къ нашей стоянкѣ. Они видѣли туровъ и стрѣляли по нимъ на такомъ близкомъ разстояніи, на которомъ, по ихъ словамъ, можно было различить даже рѣсницы на глазахъ туровъ, но тѣмъ не менѣе ни одного изъ нихъ не убили. Кромѣ того, одинъ изъ тюиллойскихъ нимвродовъ отправился въ ту самую балку, въ которую на слѣдующее утро долженъ былъ итти я, и выгналъ большое стадо туровъ. Когда ему стали говорить, что такимъ образомъ поступать онъ не долженъ былъ, такъ какъ хорошо зналъ, что это лучшее для охоты мѣсто было предназначено мнѣ, какъ гостю, пріѣхавшему сюда за нѣсколько сотъ верстъ,—онъ отвѣчалъ, что виновато его пылкое охотничье сердце, которое не могло устоять отъ соблазна и заставило его пойти въ балку, гдѣ туровъ можно встрѣтить почти всегда, что къ слѣдующему утру они снова соберутся туда и т. д. Словомъ, онъ пустилъ въ ходъ обычныя въ подобныхъ случаяхъ безсмысленныя отговорки. Его поступокъ меня очень опечалилъ и въ значительной степени уменьшилъ надежду удачно поохотиться

за турами. Кромѣ того, охотиться за ними въ одной и той-же мѣстности такому количеству охотниковъ (5 человѣкъ), выстрѣлы которыхъ будутъ гремѣть во всѣхъ направленіяхъ, очень неудобно. Въ этомъ случаѣ животное, столь осторожное, какъ туръ, постарается, конечно, скорѣе убраться куда-нибудь подальше и не такъ скоро возвратится на свои излюбленныя мѣста.

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ мнѣ пришлось на слѣдующій день еще до свѣта отправиться въ ту балку, о которой я только что говорилъ. Пошелъ туда я вмѣстѣ съ однимъ чеченцемъ-охотникомъ. Намъ надо было пройти версты двѣ по дну котловины Мацехчу и перебраться черезъ нѣсколько небольшихъ горныхъ рѣчекъ. Подвигаясь болѣе получаса въ юго-западномъ направленіи, мы дошли до крутыхъ горъ, окружающихъ котловину, которая уже осталась позади насъ. Здѣсь мы повернули довольно круто вправо и, долго поднимаясь по узкому скалистому ущелью, достигли наконецъ той широкой балки, гдѣ предполагали охотиться за турами. Эта сильно каменистая громадная балка также окаймляется высокими скалистыми стѣнами горъ. На пути къ ней мы видѣли въ двухъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ насъ, горныхъ индѣекъ, но не стрѣляли по нимъ, опасаясь распугать туровъ, которыхъ все еще надѣялись встрѣтить гдѣ-нибудь. Болѣе часа лѣзли мы то по каменистымъ осыпямъ, то по крутымъ скаламъ, поднимаясь выше и выше вдоль правой стороны балки. Внимательно осматривая простымъ глазомъ и при помощи бинокля окружающія насъ горы, мы увидѣли наконецъ одного тура: онъ находился гораздо выше насъ, на склонѣ горы противоположной стороны балки, и очень далеко, но, какъ замѣтно было, уже успѣлъ увидѣть насъ. Когда мы присѣли и начали разсматривать его въ бинокль, онъ быстро полѣзъ вверхъ на скалы и вскорѣ скрылся изъ глазъ. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ туровъ, по которымъ стрѣляли вчера тюиллойскіе нимвроды. Ничѣмъ другимъ нельзя было объяснить его чрезмѣрную осторожность. Послѣ этой встрѣчи мы прошли вверхъ еще довольно далеко, видѣли много свѣжихъ турьихъ слѣдовъ, но ихъ самихъ не встрѣтили. Очевидно, ихъ распугали охотники.

Пролазавъ по скаламъ еще часа два и не встрѣтивъ нигдѣ туровъ, мы рѣшили отправиться къ своей стоянкѣ и добрались до нея уже послѣ полудня. Неудача на охотѣ возмѣщалась по отношенію ко мнѣ тѣмъ, что я въ этотъ день успѣлъ осмотрѣть

довольно порядочно всѣ горы, окружающія котловину Мацехчу. Онѣ очень высоки, круты, скалисты и состоятъ изъ шиферныхъ скалъ; но кое-гдѣ на поверхность ихъ выступаютъ и кристаллическія, кремнистыя горныя породы. Этимъ объясняется присутствіе довольно значительнаго количества кусковъ гранита, гнейса, кварцита и кварца во всѣхъ ручьяхъ и рѣчкахъ, протекающихъ здѣсь. Болѣе или менѣе порядочныя снѣжныя поля на горахъ, окружающихъ Мацехчу, рѣдки, но почти всѣ горы на протяженіи не менѣе тысячи футовъ отъ ихъ вершины покрыты, какъ уже было замѣчено, красивой сѣтью изъ зубчатыхъ снѣжныхъ полосъ и лентъ, которыя заполняютъ всѣ складки горъ и всѣ углубленія и трещины скалъ. Съ нихъ мнѣ удалось сдѣлать очень красивые фотографическіе снимки. Во многихъ мѣстахъ по балкамъ и оврагамъ широкія полосы снѣга спускаются до самаго дна котловины. Болѣе значительныя скопленія его находятся на горахъ съ южной и юго-западной стороны Мацехчу. Здѣсь черезъ одну сѣдловину проходитъ тропа въ Тушетію, въ долину Пирикительской Алазани. Надъ ней построена караулка, въ которой въ лѣтнее время живутъ тушины, наблюдающіе за тѣмъ, чтобы чеченцы не воровали скотъ на тушинской сторонѣ и не угоняли его къ себѣ. Растительность на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ мы проходили, отыскивая туровъ, очень бѣдна и состоитъ изъ низкихъ, приземистыхъ травъ. Это объясняется, конечно, значительной высотой мѣстности. Здѣсь встрѣчаются по-преимуществу мелкія растенія, свойственныя верхне-альпійской зонѣ—различные виды камнеломокъ (Saxifraga cartilaginea, S. sibirica, S. exarata), драбъ (Draba rigida, D. siliquosa), Gentiana pyrenaica, Alchemilla vulgaris, Alsine imbricata, Gnaphalium dioicum, маленькія Myosotis silvatica, Carex nigra и т. д. Изъ кустарниковъ я видѣлъ въ этихъ мѣстахъ только карликовую иву (Salix arbuscula), поднимающуюся отъ земли всего лишь на футъ или немного болѣе.

Почти одновременно съ нами возвратились къ нашей стоянкѣ прочіе охотники. Изъ всѣхъ ихъ только одному удалось сдѣлать по молодому туру нѣсколько выстрѣловъ и убить его; другіе вернулись назадъ ни съ чѣмъ. Убитый молодой самецъ принадлежалъ къ виду Capra cylindricornis Blyth. (Aegoceros Pallasii Rouill.), единственному изъ туровъ, водящихся въ этой части Кавказа. Несмотря на небольшіе размѣры, рога его уже имѣли замѣтный винтообразный изгибъ, рѣзко отличающій ихъ

отъ роговъ прочихъ видовъ кавказскихъ горныхъ или каменныхъ козловъ. Замѣчу кстати, что безоаровые козлы на этихъ горахъ не живутъ вовсе. Онѣ для нихъ слишкомъ высоки, а, главное, вовсе лишены лѣса. Совершенно отсутствуютъ здѣсь и серны.

Отправляться на охоту на слѣдующій день, т. е. послѣ того, какъ въ теченіе двухъ предыдущихъ дней цѣлая партія охотниковъ обошла всѣ лучшія мѣста и распугала всѣхъ туровъ, не было смысла; поэтому утромъ я побродилъ еще часа три по склонамъ Мацехчу, а затѣмъ отправился въ обратный путь. Когда мы проѣзжали черезъ Чамгой, то узнали, что у одного изъ жителей этого аула есть молодой безоаровый козелъ и туренокъ. Мы, конечно, розыскали ихъ. Безоаровый козленокъ былъ очень похожъ на маленькихъ домашнихъ козлятъ; туренокъ-же (самецъ) отличался отъ нихъ гораздо больше. Онъ имѣлъ голову, утолщенную позади глазъ очень сильно, можно сказать, до уродства; на этомъ мѣстѣ впослѣдствіи у взрослаго тура должны вырасти большіе, толстые рога. Цвѣтъ туренка былъ пепельно-сѣрый, а вдоль спины и по передней сторонѣ ногъ тянулись у него темнобурыя полосы. Онъ поражалъ насъ необыкновенной легкостью и изяществомъ своихъ прыжковъ. Стоя вблизи окна или скамейки, онъ безъ всякаго разбѣга, нисколько не присѣдая или не пригибаясь и безъ всякаго видимаго усилія, вскакивалъ на подоконникъ или скамейку, какъ будто бы его подбрасывала какая-нибудь пружина. Туренокъ этотъ прожилъ въ аулѣ уже нѣсколько дней и пересталъ бояться людей. Мы задумали взять его съ собою, чтобы приручить и держать на дворѣ, и онъ былъ намъ охотно уступленъ; но, къ великому нашему огорченію, дорогою его постигла горькая участь. Едва успѣли мы отъѣхать отъ Чамгоя верстъ 7—8, какъ козленокъ, бывшій до того очень живымъ и веселымъ, вдругъ сдѣлался вялымъ и скучнымъ. Спустя еще часъ или полтора отъ его живости не осталось и слѣдовъ. По мѣрѣ того, какъ мы спускались въ ущелье Хельдихероя ниже и ниже, воздухъ, конечно, становился все болѣе жаркимъ и душнымъ. Это, вѣроятно, еще больше разслабляло туренка—дитя высокихъ горъ съ чистымъ, свѣжимъ прохладнымъ воздухомъ. Онъ уже не былъ въ состояніи держать, какъ слѣдуетъ, голову, и она безпомощно свѣшивалась у него то въ ту, то въ другую сторону. Мы съ болью въ сердцѣ смотрѣли на бѣднаго козленка, который съ каждой минутой дѣлался все слабѣе и слабѣе и кончился,

когда мы подъѣзжали къ р. Хельдихерою. Трудно допустить, что дорога подѣйствовала на него такъ убійственно. Вѣроятно, что-нибудь другое было причиною его смерти, такъ какъ онъ началъ обнаруживать признаки болѣзни слишкомъ скоро послѣ нашего отъѣзда изъ Чамгоя. Возможно, что онъ еще въ аулѣ объѣлся чего-нибудь, какъ это часто случается съ дикими животными, попадающими въ несвойственныя имъ условія, а вредныя послѣдствія такого отравленія обнаружились только тогда, когда мы везли его.

III.

Дорога изъ Воздвиженской въ Ведено. Старая и Новая Атага. Переправа черезъ Аргунъ. Шали. Эрсеноевская станція и ея окрестности. Ущелье Хулхулау. Ведено. Его климатъ и растительность. Горные луга. Фауна окрестностей Ведено. Поѣздка въ Дарго. Аулъ Дарго. Поляна Ирицоу. Памятникъ убитымъ въ Даргинской экспедиціи.

Изъ Воздвиженской мною была предпринята еще поѣздка въ Ведено, Ботлихъ и другія мѣста, лежащія въ сосѣднихъ съ ними частяхъ Терской и Дагестанской областей. Изъ Воздвиженской въ Ведено можно было проѣхать двумя путями: или возвратиться въ Грозный и оттуда ѣхать по почтовому тракту на аулъ Устаръ-Гордой и станцію Эрсеноевскую, сдѣлавъ такимъ образомъ лишнихъ около полусотни верстъ, или же избрать болѣе короткій путь, т. е. переправиться вбродъ черезъ Аргунъ, на земскихъ (обывательскихъ) лошадяхъ доѣхать до Эрсеноевской станціи и изъ нея уже отправиться въ Ведено. Но переправа черезъ такую большую и необыкновенно быструю рѣчку, какъ Аргунъ, и притомъ въ первой половинѣ лѣта, т. е. въ періодъ наиболѣе сильнаго таянія снѣговъ на горахъ и наибольшаго половодья рѣкъ, не безопасна. Правда, утонуть въ такой рѣкѣ, какъ Аргунъ, при умѣніи плавать, нѣкоторой находчивости и смѣлости, пожалуй, и не такъ легко, но выкупаться и лишиться всѣхъ своихъ вещей вполнѣ возможно.

Возвращаться въ Грозный мнѣ ужасно не хотѣлось; поэтому утромъ въ день предполагаемаго отъѣзда изъ Воздвиженской я началъ собирать справки о томъ, можно-ли переѣхать на перекладной черезъ Аргунъ, и узналъ, что чеченцы въ этотъ день переѣзжали черезъ него, хотя и не безъ риска, такъ какъ вода въ немъ очень глубока. Если переѣзжали чеченцы, думалъ я,

то почему-же и мнѣ не рискнуть послѣдовать ихъ примѣру *)? Въ обѣдъ я выѣхалъ изъ Воздвиженской. На станціи сказали, что мнѣ, какъ имѣющему открытый листъ, полагается конвой и что лучше будетъ, если я не откажусь взять его, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя мнѣ нужно будетъ проѣзжать, не безопасно, такъ же, какъ и около Воздвиженской; да кромѣ того мнѣ сказали, что конвой пособитъ намъ переправиться черезъ Аргунъ. Конвой, состоящій изъ двухъ всадниковъ, которые были вооружены берданками и револьверами, присоединился къ намъ на посту, стоящемъ у дороги изъ Воздвиженской къ Грозному и Старо-Атагинскому аулу. Черезъ послѣдній проходила и наша дорога.

Старо-Атагинскій аулъ или, какъ его называютъ, Старая Атага отстоитъ отъ Воздвиженской всего лишь версты на двѣ и расположенъ, какъ и она, на лѣвомъ берегу Аргуна. Почти противъ него, но на противоположной сторонѣ рѣки, находится Новая Атага. Оба эти аула раскинулись вблизи Аргуна, въ низменной и, вѣроятно, не совсѣмъ здоровой мѣстности; обиліемъ зелени они болѣе или менѣе напоминаютъ Воздвиженскую. Прежде жители ихъ разводили много турецкаго табаку (атагинскій табакъ) и продавали его, какъ контрабанду, копѣекъ по 15—20 за фунтъ, но теперь разведеніемъ его почти перестали заниматься. Вызвано это, какъ сообщали мнѣ, тѣмъ, что муллы успѣли внушить чеченцамъ, что курить табакъ и разводить его—большой грѣхъ.

Въ Старой Атагѣ аульный старшина откомандировалъ мнѣ еще двухъ человѣкъ въ проводники. Они должны были при переправѣ черезъ рѣку поддерживать перекладную и не дать водѣ опрокинуть или снести ее. Такимъ образомъ, переправляться черезъ Аргунъ мнѣ пришлось въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, не считая, конечно, ямщика. Аргунъ здѣсь, какъ и вездѣ по выходѣ изъ горъ, раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ рукавовъ, которые въ общей сложности составляютъ рѣчку шириною аршинъ въ 300 или, по крайней мѣрѣ, въ 250. Вода течетъ очень быстро, мутна и непрозрачна, какъ грязь. Во время нашей переправы одинъ изъ конвойныхъ ѣхалъ впереди и указывалъ дорогу; наблюдая за нимъ, мы могли видѣть, насколько

*) Гораздо было-бы безопаснѣе переправиться черезъ Аргунъ верхомъ, но я этого не могъ сдѣлать, такъ какъ, отправляясь въ горы на два мѣсяца, имѣлъ съ собою довольно много вещей.

глубока рѣчка въ томъ или иномъ мѣстѣ. Другой конвойный оставилъ свою лошадь на берегу и вмѣстѣ съ двумя атагинцами поддерживалъ перекладную, взявшись за грядки со стороны теченія рѣки. Надо было удивляться необыкновенной ловкости, съ какой они боролись съ быстрымъ теченіемъ и поддерживали повозку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода при необыкновенно быстромъ теченіи была настолько глубока, что наливалась въ перекладную, и, если бы не помощь чеченцевъ, то она, навѣрное, была бы опрокинута и унесена водою.

Послѣ переправы черезъ Аргунъ мы проѣхали Новую Атагу и, поднявшись на горку, очутились въ болѣе или менѣе открытой степной мѣстности, на которой также, какъ и около Воздвиженской, росли кустарники и отдѣльно стоящія деревья, по-преимуществу груши. Около Атагинскихъ ауловъ попадается коегдѣ и держи-дерево. Здѣсь же болѣе или менѣе большія пространства засѣяны кукурузой.

Въ Новой Атагѣ намъ дали другихъ конвойныхъ и съ ними я проѣхалъ верстъ 10 до слѣдующаго чеченскаго аула Шали. Въ немъ лошадей не оказалось и можно было получить ихъ только часа черезъ три или четыре. Но, такъ какъ мнѣ хотѣлось въ этотъ день добраться до Ведено и тамъ болѣе или менѣе солидно основаться, то я попросилъ нанять для меня какую-нибудь подводу, на которой я могъ бы проѣхать до станціи Эрсеной, отстоящей отъ Шали всего лишь на 7 или 8 верстъ. На базарѣ нашелся на мое счастіе какой-то фургонъ и въ немъ я доѣхалъ до Эрсеноевской станціи. Мѣстность между Шали и этой станціей, такъ-же, какъ та, которая тянется между Шали и Атагинскимъ ауломъ, представляетъ холмистую, пересѣченную неглубокими балками степь съ рѣдкими деревьями и зарослями кустарниковъ. Изъ птицъ въ этой мѣстности я видѣлъ щурокъ (Merops apiaster L.), нѣсколько вороновъ, сѣрыхъ воронъ, хохлатыхъ жаворонковъ и очень много воробьевъ. Ни соекъ, ни сорокъ въ ней мнѣ вовсе не попадалось.

На Эрсеноевской станціи я совершенно случайно встрѣтилъ геолога Г. П. Михайловскаго, командированнаго въ эту-же часть Кавказа съ ученой цѣлью. Мы другъ о другѣ слышали, знали другъ друга по различнымъ трудамъ и потому встрѣтились, какъ добрые знакомые. Сейчасъ же нами было рѣшено не только ѣхать до Ведено и поселиться тамъ вмѣстѣ, но вмѣстѣ же предпринять нѣсколько поѣздокъ въ горы. Для меня эта встрѣча была

очень пріятна и я съ удовольствіемъ вспоминаю недѣли двѣ, проведенныя съ Г. П., очень пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ.

Эрсеноевская станція расположена на лѣвомъ берегу Хулхулау, вблизи того мѣста, гдѣ эта рѣчка изъ горъ выходитъ на плоскость. Около станціи находится постъ для охраны проѣзжающихъ по почтовой дорогѣ отъ нападенія чеченцевъ и недалеко отъ него аулъ Сержень-юртъ. Верстахъ въ двухъ отъ станціи почтовая дорога, ведущая къ Ведено, входитъ въ тѣсное, узкое ущелье р. Хулхулау. Это ущелье очень красиво. При началѣ оно окаймляется не особенно высокими горами, но съ каждой слѣдующей верстой эти горы дѣлаются выше и выше. Онѣ отъ подошвы и до самыхъ вершинъ покрыты густымъ лѣсомъ, въ которомъ съ дороги не видно ни одной полянки, ни одной прогалинки. Лѣсъ состоитъ здѣсь по-преимуществу изъ высокихъ, стройныхъ, съ красивыми правильными кронами буковыхъ деревьевъ, между которыми растутъ кустарники и другія, болѣе низкоствольныя древесныя породы, какъ, напр., кленъ, грабъ, дубъ, яблони, груши, шишки, алыча, боярышникъ и т. д. Ущелье Хулхулау своимъ характеромъ и въ особенности обиліемъ лѣсовъ очень напоминаетъ красивыя ущелья западнаго Кавказа. Въ немъ я совершенно неожиданно встрѣтилъ въ трехъ мѣстахъ папоротникъ-орлякъ (Pteris aquilina), которымъ зарастаютъ почти всѣ поляны и опушки лѣсовъ въ Черноморской и Кутаисской губерніяхъ, а также въ западной части Кубанской области. Одно изъ этихъ мѣстъ, гдѣ заросли папоротника-орляка образуютъ нѣсколько порядочныхъ сплошныхъ круговинъ, находится при началѣ ущелья, а два другія уже въ самомъ ущельѣ, вблизи дороги и верстахъ въ трехъ отъ ст. Эрсеной. Встрѣтивъ папоротникъ-орлякъ въ этой части Кавказа, я былъ порядочно удивленъ, такъ какъ не думалъ, что онъ распространяется на востокъ такъ далеко. Мѣстность, лежащая къ югу и востоку отъ Эрсеноя, покрыта сплошными лѣсами, которые тянутся на многія версты. Въ этихъ лѣсахъ держится гораздо больше звѣрей, чѣмъ въ глубинѣ горъ. Особенно много здѣсь дикихъ кабановъ. На поляхъ около Эрсеноя въ изобиліи водятся сѣрыя куропатки. Мнѣ говорили, что эти мѣста даже арендуются для охоты однимъ русскимъ охотникомъ, живущимъ гдѣ-то недалеко отъ станціи.

Изъ травянистыхъ растеній нѣсколько выше Эрсеноя въ ущельѣ Хулхулау начинаютъ уже попадаться нѣкоторые пред-

ставители горной флоры, напр., Betonica grandiflora, составляющая украшеніе горныхъ луговъ всего Кавказа. Здѣсь почему-то она спустилась сравнительно низко. Часто встрѣчается въ этихъ мѣстахъ хвощъ (Equisetum Telmateja). Особенно красивыми видами отличается ущелье Хулхулау на протяженіи первыхъ верстъ десяти отъ Эрсеноя, гдѣ высокія горы, имѣющія очень изящныя очертанія, покрыты сплошными лѣсами. Выше этихъ мѣстъ ущелье уже замѣтно измѣняетъ свой характеръ. На десятой или одиннадцатой верстѣ лѣса становятся замѣтно рѣже, появляются болѣе или менѣе порядочныя пространства, покрытыя травой, и, кромѣ того, открываются почти отвѣсныя кручи, достигающія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты саженъ въ 60 или 70. Въ геологическомъ смыслѣ это—обнаженіе мощныхъ міоценовыхъ пластовъ, которые состоятъ изъ гальки, сцементированной лессовиднымъ суглинкомъ. Подобныя обнаженія встрѣчаются кое-гдѣ вблизи начала ущелья, но тамъ они почти незамѣтны за сплошными лѣсами, не образуютъ такихъ толщъ и принадлежатъ, какъ сообщилъ мнѣ мой спутникъ, къ пліоценовымъ образованіямъ. Приблизительно на половинѣ пути отъ Эрсеноя до Ведено они смѣняются міоценовыми, которыя образуютъ упомянутыя мощныя отложенія. Во многихъ мѣстахъ здѣсь обнаруживаются пласты аспиднаго сланца, между которыми выступаютъ еще прослойки изъ плотнаго желтовато-сѣраго мергелистаго сланца.

На полпути между Эрсеноемъ и Ведено въ Хулхулау впадаетъ съ лѣвой стороны довольно порядочная рѣчка—Элистанжи, которая вытекаетъ верстахъ въ 40 отъ этихъ мѣстъ изъ высокихъ горъ, находящихся вблизи озера Эзень-амъ. Въ нее вливается другая довольно большая рѣчка, получающая начало изъ хребта Бехечо-ламъ и упомянутой въ первой главѣ вершины Аленъ-Джейранъ-кортъ. Эти рѣчки принимаютъ въ себя еще много другихъ, значительно меньшихъ, а такъ какъ всѣ онѣ текутъ въ глубокихъ балкахъ и ущельяхъ, то мѣстность, окружающая ихъ, имѣетъ въ высшей степени пересѣченный характеръ. Черезъ Элистанжи, при впаденіи ея въ Хулхулау, переброшенъ мостикъ; около него ущелье нѣсколько расширяется и здѣсь надъ дорогой построенъ постъ. Другой такой-же находится верстахъ въ пяти ниже этого. Если эти посты не упразднены до сихъ поръ, то, надо думать, дорога въ Ведено и въ настоящее время не совсѣмъ безопасна.

За мостомъ ущелье Хулхулау снова сильно съуживается и

остается такимъ на протяженіи верстъ пяти. Въ этихъ мѣстахъ лѣсовъ въ немъ уже не такъ много и, кромѣ того, качествомъ они значительно хуже. Здѣсь часто попадаются на глаза скалы и громадныя отвѣсныя или почти отвѣсныя кручи съ обнаженіемъ толстыхъ пластовъ міоценовой формаціи. Проѣхавъ отъ самаго начала ущелья верстъ 12, мы встрѣтили первый на этомъ пространствѣ и къ тому-же очень маленькій аулъ—Ца-Веденъ. Верстахъ въ 4 или 5 отъ него мѣстность неожиданно принимаетъ совершенно иной характеръ: между Хулхулау и небольшой впадающей въ нее съ лѣвой стороны рѣчкой Шауданъ открывается чудная ровная поляна, имѣющая верстъ 8 въ длину и до двухъ верстъ въ ширину. Она образуетъ незначительный и даже незамѣтный для глаза уклонъ къ сѣверо-западу и со всѣхъ сторонъ окаймляется лѣсомъ, за которымъ слѣдуютъ дальше высокія горы. Поляна эта представляетъ какъ-бы узкій и длинный гигантскихъ размѣровъ зеленый языкъ, вытянувшійся между ущельями упомянутыхъ двухъ рѣчекъ и окаймляющими ихъ горами. Эта ровная, чистая и гладкая, какъ столъ, поляна, покрытая изумрудно-зеленой травой и раскинувшаяся среди лѣсовъ, кручъ, скалъ и безчисленнаго множества горъ, которыя окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ и тянутся на десятки и даже сотни верстъ, такъ сильно отличается отъ всего окружающаго ее, что представляется заброшенной сюда нечаянно какимъ-то чудомъ. Обѣ только что упомянутыя рѣчки текутъ лишь немного ниже поляны и потому она ограничивается съ боковъ не особенно углубленными балками; но горы, которыя тянутся по другую сторону ихъ, поднимаются уже на цѣлыя тысячи футовъ надъ уровнемъ поляны и красивой зеленой стѣной окаймляютъ ее съ боковъ. На этой чудной полянѣ, расположенной среди живописныхъ окрестностей, стоитъ слобода или укрѣпленіе Ведено, бывшее въ теченіе 14 лѣтъ мѣстопребываніемъ знаменитаго Шамиля, имама Чечни и Дагестана, который 25 лѣтъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ боролся противъ русскихъ. Надо отдать ему должную честь и за то, что онъ съумѣлъ выбрать для своей резиденціи такое чудное мѣсто, какъ Ведено.

Путешествіе отъ Эрсеноевской станціи до Ведено доставило намъ только удовольствіе. Здѣсь на протяженіи верстъ 25 нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ глазъ могъ бы оторваться отъ чудныхъ видовъ на ущелье и окружающія его горы. На всемъ этомъ протяженіи тянется хорошая шоссейная дорога.

Въ Ведено мы пріѣхали незадолго до захода солнца и очень скоро нашли себѣ квартиру въ двѣ комнаты. Отдѣльный домикъ, который мы заняли, со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ липами, черешнями, яблонями, розами и другими деревьями и кустарниками. Вся наша улица также была покрыта свѣжей зеленой травой.

По своему мѣстоположенію Ведено существенно отличается отъ Воздвиженской. Послѣдняя расположена на плоскости, при началѣ горъ или при входѣ въ нихъ; Ведено-же лежитъ внутри горъ и со всѣхъ сторонъ окружено ими. Кромѣ того, Ведено находится на цѣлую тысячу футовъ выше Воздвиженской, а именно на высотѣ около 730 метр. (2394 ф.) надъ уровн. моря. Оно имѣетъ чудный климатъ и отличается болѣе здоровымъ, свѣжимъ и прохладнымъ воздухомъ, чѣмъ Воздвиженская. Въ іюлѣ въ девятомъ часу утра, при пасмурномъ небѣ, здѣсь бывало обыкновенно всего лишь 16° или 17° Ц. Утромъ, когда стоитъ хорошая погода, небо въ Ведено часто бываетъ затянуто густыми сѣрыми облаками, которыя окутываютъ вершины всѣхъ высокихъ горъ. Эти облака не служатъ, однако, какъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа, предвѣстниками дождя и вообще дурной погоды, такъ какъ они къ полудню въ большинствѣ случаевъ расходятся и съ этого времени начинаетъ свѣтить яркое солнце, которое не скрывается до самаго вечера. Ни одного жаркаго дня за время моего пребыванія въ Ведено не было, а по вечерамъ часто дѣлалось такъ прохладно, что приходилось надѣвать пальто. Осадковъ выпадаетъ въ Ведено среднимъ числомъ 845 мм., наибольшее количество въ іюнѣ (158,8 мм.) и въ іюлѣ (151,5 мм.), а наименьшее въ февралѣ (20,1 мм.); число дней съ осадками равняется 122. Обиліемъ зелени Ведено напоминаетъ Воздвиженскую, а, можетъ быть, даже превосходитъ ее. Всюду растутъ въ немъ на дворахъ, улицахъ и въ садахъ огромныя липы, акаціи, тутовыя деревья, а также яблони, груши, вишни, черешни и множество роскошныхъ волошскихъ орѣховъ. Одинъ здѣшній садъ представляетъ цѣлый лѣсъ этихъ деревьевъ. На дворахъ Ведено много цвѣтниковъ, всѣ стѣны и плетни скрываются въ густой зелени розъ, повители, хмеля, крапивы и другихъ растеній; на улицахъ всюду растетъ зеленая трава, а многіе дома почти не видны за окружающими ихъ садами и цвѣтниками. Въ южной сторонѣ слободы есть небольшой паркъ, состоящій изъ крупныхъ и высокихъ липъ, дикихъ черешенъ и кленовъ. Ведено, какъ бы-

ло уже сказано, окружено горами со всѣхъ сторонъ. Особенно высоки тѣ изъ нихъ, которыя находятся къ югу и юго-западу отъ укрѣпленія. Онѣ поднимаются почти тотчасъ за крайними дворами Ведено и имѣютъ склоны, покрытые густыми сплошными лѣсами, а на вершинахъ ихъ располагаются альпійскіе луга. Эти горы поднимаются до высоты 5—5½ тысячъ футовъ и тянутся по лѣвую сторону ущелья Хулхулау. Подобныя-же имъ видны на юго-востокѣ, на правой сторонѣ ущелья, но онѣ болѣе удалены отъ слободы. Къ западу и сѣверо-западу отъ нея горы значительно ниже и на нихъ находится больше не покрытыхъ лѣсами мѣстъ. Съ любого мѣста слободы открываются очень красивые виды на всѣ эти горы. Слобода расположена почти по срединѣ длины поляны у западной окраины ея и въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ рѣчки Шауданъ, которая течетъ въ покрытой лѣсами балкѣ на нѣсколько десятковъ футовъ ниже слободы. Рѣчка Хулхулау прорѣзываетъ долину, на которой стоитъ Ведено, съ юго-востока на сѣверо-западъ. Въ обѣихъ рѣчкахъ хорошо купаться. Если ко всему сказанному о Ведено прибавить еще то, что въ немъ вовсе нѣтъ пыли, почти никогда не бываетъ вѣтра, зимы теплы, лихорадокъ также нѣтъ, то станетъ понятнымъ, что укрѣпленіе Ведено могло-бы служить прекраснымъ дачнымъ мѣстомъ и отличнымъ курортомъ для больныхъ.

Первые два дня пребыванія въ Ведено я употребилъ на осмотръ окрестностей укрѣпленія и отчасти его самого. Ведено было занято русскими въ 1859 году и разрушено ими до основанія, а позднѣе укрѣплено снова *). Вокругъ него и теперь стоятъ толстыя каменныя стѣны съ бойницами и баттареями. Онѣ должны были защищать слободу отъ нападенія чеченцевъ и отчасти лезгинъ. Часть бывшей крѣпости занята и въ настоящее время: въ ней стоитъ рота пѣхоты и штукъ 12 полевыхъ и горныхъ орудій, изъ которыхъ только одно стальное, болѣе или менѣе современнаго типа, прочія-же старинныя, бронзовыя и, за исключеніемъ трехъ или четырехъ горныхъ, заряжаются съ дула. Въ концѣ лѣта или въ началѣ осени изъ нихъ производится за слободой стрѣльба боевыми снарядами, главнымъ образомъ, вѣроятно, для того, чтобы чеченцы

---

*) Русскіе пришли къ Ведено 8 февр., проходя по липкой грязи по ½ версты въ часъ и со страшными усиліями перебираясь черезъ горы. Подойдя рядомъ траншей къ Ведено, ген. Евдокимовъ взялъ его штурмомъ 1-го апрѣля. Для защиты Ведено туда было стянуто Шамилемъ отъ 6 до 7 тысячъ воиновъ.

не забывали, что у русскихъ и въ горахъ есть «зеленая арба», какъ называютъ они издавна пушки. Упряжныхъ лошадей, однако, не имѣется при орудіяхъ и они только при помощи солдатъ могутъ быть вывозимы на позиціи за слободу.

Древесной и кустарной растительностью Ведено сильно напоминаетъ Аргунское ущелье вблизи Воздвиженской, но травянистыя растенія значительно отличаются. Здѣсь въ дикомъ состояніи растетъ очень много шишекъ (Mespilus germanica), яблокъ, грушъ, алычи (Prunus divaricata Ledb.), боярышника, орѣшника (Corylus Avellana), ольхи, черноольхи, граба, бука и т. д. Дубъ попадается, но очень рѣдко. Рододендроновъ или, точнѣе, азалей (Azalea pontica), которыхъ я не видѣлъ около Воздвиженской, здѣсь очень много; больше всего растетъ ихъ по опушкамъ лѣсовъ. Часто встрѣчается жимолость (Lonicera Caprifolium и L. Xylosteum). Изъ травянистыхъ растеній обращаетъ на себя вниманіе Aruncus silvestris, поднимающаяся аршина на два отъ земли, Spiraea philipendula, Lysimachia vulgaris, Asperula odorata, Rumex crispus и т. д. Красиваго, съ огромными колосьями цвѣтовъ Verbascum, который въ изобиліи растетъ около Воздвиженской, здѣсь нѣтъ вовсе. На большой полянѣ, гдѣ расположена слобода, больше всего растетъ мелкаго приземистаго клевера (Trifolium repens) и бѣлой крупной ромашки (Chrysanthemum vulgare), которая поднимаетъ свои головки довольно высоко надъ клеверомъ. Нигдѣ не встрѣчалъ я это растеніе въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ вокругъ Ведено. На многихъ мѣстахъ оно растетъ такъ густо, что поверхность поляны представляется, когда смотришь на нее вдаль, почти бѣлой. Папоротники встрѣчаются около Ведено тоже въ изобиліи. На скалахъ по очень сырымъ и тѣнистымъ мѣстамъ растетъ Scolopendrium officinale, Polypodium vulgare, Cystopteris fragilis и Asplenium Trichomanes, Anthyrium felix femina и Struthiopteris germanica. Папоротника-орляка я не видѣлъ въ ущельѣ Хулхулау нигдѣ, кромѣ упомянутыхъ уже мѣстъ, находящихся недалеко отъ Эрсеноевской станціи. Такъ какъ это единственный изъ кавказскихъ папоротниковъ, который растетъ на совершенно открытыхъ мѣстахъ, то при отсутствіи его трава на полянахъ и опушкахъ лѣсовъ въ окрестностяхъ Ведено оказывается гораздо болѣе чистой и болѣе пригодной для пастьбы скота и для сѣна, чѣмъ на горахъ западнаго Кавказа.

Хулхулау, о которой я не сказалъ еще почти ни слова,

протекаетъ верстахъ въ двухъ къ востоку отъ Ведено. Она представляетъ среднихъ размѣровъ горную рѣчку, которая довольно быстро катитъ свои воды по широкому дну ущелья, заваленному бѣлой известковой галькой и валунами. Самая рѣчка имѣетъ въ ширину аршинъ 30, а дно ея ущелья шаговъ 100 и болѣе. Во время сильныхъ дождей все оно заливается водой. Надъ дномъ ущелья и здѣсь возвышаются отвѣсныя кручи изъ мелкихъ камней, сцементированныхъ глиной. Встрѣчаются кое-гдѣ и довольно толстыя напластованія изъ сѣраго песчаника. Всѣ эти образованія принадлежатъ къ третичнымъ; вторичныя-же, именно мѣловыя, начинаются, какъ сообщилъ мнѣ Г. П. Михайловскій, на горахъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Ведено и тамъ они уже вполнѣ господствуютъ. Изъ нихъ состоятъ всѣ горы верховьевъ Хулхулау, окрестностей озера Эзень-амъ и т. д.; третичныхъ-же образованій на нихъ нѣтъ. Изъ известняковъ мѣловой формаціи состоятъ и тѣ валуны, которыми такъ щедро усыпано русло Хулхулау; но они, конечно, принесены сюда изъ болѣе или менѣе далекихъ мѣстъ. Что касается рѣчки Шауданъ, то она течетъ къ юго-западу отъ слободы, напоминаетъ во всѣхъ отношеніяхъ Хулхулау, но значительно меньше ея. Шауданъ вытекаетъ многими ручьями изъ ближайшихъ къ слободѣ лѣсистыхъ горъ, тогда какъ истоки Хулхулау находятся гораздо дальше.

Вечеромъ на второй день пребыванія въ Ведено я познакомился съ большей частью здѣшней интеллигенціи—съ помощникомъ окружного начальника А. Н. Добровольскимъ, съ двумя артиллерійскими офицерами и т. д. Всѣ они держали себя по отношенію ко мнѣ и моему спутнику Г. П. Михайловскому въ высшей степени любезно и ежедневно приглашали насъ на вечерній чай или ужинъ. Посѣтилъ я также здѣшняго коренного жителя-чеченца поручика Шамиля, который живетъ на хуторѣ въ двухъ или трехъ верстахъ отъ слободы. Поѣздка къ нему была интересна въ томъ отношеніи, что вблизи мѣста, занимаемаго его хуторомъ, жилъ когда-то Шамиль, вождь чеченцевъ и лезгинъ. Здѣсь мнѣ показали мѣсто, гдѣ стоялъ его домъ, гдѣ у него отливали пушки и т. д. Мѣсто это, расположенное нѣсколько выше Ведено вблизи опушки лѣса, въ теченіе 14 лѣтъ было, какъ я уже говорилъ, резиденціей имама. На хуторѣ поручика Шамиля мы встрѣтили старика-чеченца, который былъ однимъ изъ сподвижниковъ Шамиля. Ему въ настоящее время уже лѣтъ 75. Онъ охотно разсказываетъ про былыя времена, любитъ вспо-

минать Шамиля, но, къ сожалѣнію, разговаривать съ нимъ можно только черезъ переводчика.

Рано утромъ на слѣдующій день я въ сопровожденіи одного чеченца отправился на горы, возвышающіяся къ югу отъ Ведено, чтобы взглянуть на горные луга этой части Кавказа и познакомиться съ ихъ растительностью. Тотчасъ за хуторомъ Шамиля мы въѣхали въ лѣсъ и по нему начали подниматься выше и выше. Дорога мѣстами была такъ крута, что намъ приходилось слѣзать съ лошадей и итти пѣшкомъ. Чеченцы, однако, ухитряются возить по ней сѣно, которое косятъ на горныхъ лугахъ. Лѣсъ состоитъ здѣсь преимущественно изъ деревьевъ среднихъ размѣровъ. Его нельзя назвать ни хорошимъ, ни плохимъ. Въ немъ очень много бука, ясеня, остролистнаго клена (Acer platanoides), вяза (Ulmus campestris), липы и граба (Carpinus Betulus). Значительно рѣже попадаются дубъ и различные виды вербы. Какъ благопріятны климатъ и почва этихъ мѣстъ для роста лѣса, можно судить по тому, насколько крупны, сочны и жирны листья и молодые побѣги на здѣшнихъ деревьяхъ, особенно на липахъ, вязахъ и ясени. Изъ кустарниковъ въ этихъ лѣсахъ растетъ бузина (Sambucus nigra), жимолость и азалеи. Папоротникъ Struthiopteris germanica встрѣчается на каждомъ шагу и образуетъ сплошныя заросли. Часто попадается Anthyrium felix femina и другія. У верхней границы лѣсовъ растетъ много розъ съ розовыми цвѣтами, рядомъ съ ними азалеи (Azalea pontica). Послѣднихъ здѣсь, однако, очень мало. На нѣкоторыхъ кустахъ азалей были еще полуувядшіе желтые цвѣты. Ни одной сосны, ели или пихты, которыя составляютъ красу лѣсовъ западнаго Кавказа и въ огромномъ количествѣ встрѣчаются на границѣ ихъ съ альпійскими лугами, мы не встрѣтили. Очевидно, ихъ здѣсь и нѣтъ вовсе. Горные луга начинаются сравнительно и невысоко, среднимъ числомъ на высотѣ $4^1/_2$ или 5 тыс. фут. надъ уровнемъ моря. Такихъ пышныхъ цвѣтовъ и высокихъ травъ и бурьяновъ, какъ въ Кубанской области, а также въ Черноморской и Кутаисской губерніяхъ, здѣсь тоже нѣтъ. Растительность этихъ горныхъ луговъ по своему составу сильно напоминаетъ растительность горныхъ луговъ западнаго Кавказа, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ нея. Здѣсь растетъ много истодовъ (Polygala), гераней, лютиковъ (Ranunculus polyanthemus), генціанъ, персидской ромашки (Pyrethrum roseum), клевера (Trifolium repens и T. pratense), часто попадается Alchemilla argentea, Cam-

panula, Lotus corniculatus, Inula glandulosa, Orchis съ бѣлыми цвѣтами, Spiraea philipendula и т. д. Но на здѣшнихъ лугахъ гораздо рѣже встрѣчается Betonica grandiflora, почти отсутствуютъ акониты, Delphinium, Rumex crispus и совершенно нѣтъ чемерицы (Veratrum) *)—растенія, которое встрѣчается на каждомъ шагу на горныхъ лугахъ западнаго Кавказа. Spiraea philipendula, наоборотъ, тамъ попадается гораздо рѣже, чѣмъ здѣсь. Замѣчу, однако, что бѣлыхъ аконитовъ растетъ много въ лѣсу выше Ведено, но на горныхъ лугахъ я ихъ не видѣлъ вовсе.

Съ вершины Таузень-болу-кортъ и сосѣднихъ съ нимъ горъ открываются очень красивые виды на множество ущелій, долинъ, балокъ и хребтовъ. Вдали на юго-востокъ по другую сторону глубокаго ущелья Хулхулау хорошо видна шоссейная дорога, которая ведетъ изъ Ведено въ Ботлихъ. Дѣлая множество зигзаговъ и крутыхъ поворотовъ взадъ и впередъ, она въ видѣ свѣтло-сѣрой ленты поднимается выше и выше на хребетъ Керкетъ, а затѣмъ переходитъ черезъ перевалъ Хагалія (6993 ф.) и спускается къ озеру Эзень-амъ. Не менѣе красивъ видъ на ущелье одного изъ притоковъ Хулхулау, именно р. Ахкачу, какъ назвалъ мнѣ ее мой проводникъ. Верховья ея окружены цѣлымъ амфитеатромъ горъ, съ которыхъ спускается множество глубокихъ балокъ, расположенныхъ вѣерообразно. Всѣ эти балки покрыты лѣсами, состоящими по-преимуществу изъ бука, а вершины горъ, окружающихъ балки и ущелья, горными лугами. Съ этихъ-же мѣстъ открывается красивый видъ на Ведено. На него и окружающую его поляну приходится смотрѣть почти съ птичьяго полета. Говорятъ, на этихъ горахъ русскіе поставили артиллерію и обстрѣливали съ нихъ Ведено передъ штурмомъ его.

По этимъ горнымъ лугамъ я съ своимъ проводникомъ проѣздилъ цѣлый день. Мы пробирались почти до аула Зивирхи, расположеннаго вблизи истоковъ р. Элистанжи. Мнѣ говорили, что въ окрестностяхъ этого аула водится довольно много дичи— сернъ, медвѣдей, кабановъ и дикихъ козъ. Мѣстность вокругъ него очень гориста, мѣстами труднодоступна, небѣдна лѣсомъ, а также скалами, поэтому могла-бы служить надежнымъ пріютомъ для звѣрей; но на всѣхъ здѣшнихъ горахъ такъ людно, что нельзя проѣхать по горнымъ лугамъ одной версты, чтобы не встрѣтить

*) Въ другихъ мѣстахъ на горныхъ лугахъ Чечни Veratrum встрѣчается, но все же въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на западномъ Кавказѣ.

пастуха со стадами скота или какого-нибудь чеченца, идущаго въ Ведено или одинъ изъ ближайшихъ ауловъ. За весь день мы не видѣли ни одного звѣря, хотя я передъ заходомъ солнца, когда дичь выходитъ изъ лѣса на чистыя мѣста, обошелъ порядочное пространство вдоль лѣсныхъ опушекъ. Только въ двухъ мѣстахъ у верхней границы лѣсовъ, обращенныхъ къ Ведено, мнѣ попались свѣжіе слѣды медвѣдя. Внутри лѣсовъ, впрочемъ, звѣриныхъ слѣдовъ больше. Очевидно, звѣри здѣсь очень напуганы и боятся выходить на чистыя мѣста или выходятъ на нихъ только ночью.

На горныхъ лугахъ вблизи одного заброшеннаго и никѣмъ не обитаемаго коша, на высотѣ около 5500 ф. надъ ур. моря мы сдѣлали привалъ. Сюда привлекъ насъ хорошенькій родничекъ и обиліе дровъ въ видѣ старыхъ полуразрушенныхъ плетней и заборовъ. Здѣсь мы просидѣли часа два, напились чаю и дали отдохнуть нашимъ лошадямъ. Около этой стоянки было довольно много мелкихъ птицъ. Больше всего попадалось намъ на глаза обыкновенныхъ и луговыхъ чекановъ (Saxicola oenanthe L. и Pratincola rubetra L.), голосъ которыхъ былъ слышенъ отовсюду. Нѣсколько разъ пролетали надъ нами и садились на камняхъ или плетняхъ маленькія стайки и отдѣльныя парочки красивыхъ королевскихъ вьюрковъ (Serinus pusillus Pall.). Довольно много было горныхъ овсянокъ (Emberiza cia L.); по плетнямъ и крышамъ полуразвалившихся хижинъ прыгали горихвостки или черногрудки (Ruticilla ochruros Gm.), бѣлозобые дрозды (Merula torquata L.) и чечевицы или красногрудые воробьи (Carpodacus erythrinus Pall.). Здѣсь-же я видѣлъ одного чернаго дрозда (Merula merula L.) и краснохвостаго сарыча (Buteo Menetriesi Bogd.).

По дорогѣ къ горнымъ лугамъ и вообще въ окрестностяхъ Ведено мнѣ попадались кромѣ упомянутыхъ птицъ и другія. На лугахъ вокругъ слободы, а въ особенности по опушкамъ лѣсовъ очень часто встрѣчаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.); внутри же лѣса много черныхъ дроздовъ, обыкновенныхъ синицъ (Parus major L.) и крапивниковъ (Troglodytes parvulus L.). Бѣлыя плиски попадаются на лугахъ, а въ особенности внутри слободы, гдѣ онѣ и устраиваютъ свои гнѣзда. Ихъ можно видѣть на каждомъ дворѣ и притомъ очень часто съ кормомъ во рту для своихъ птенцовъ. Очень много бѣлыхъ плисокъ попадается также по берегамъ рѣчекъ и ручьевъ. Здѣсь же по каменистымъ берегамъ бѣгаютъ и горныя плиски (Motacilla boarula L.). Дубо-

носовъ (Coccothraustes vulgaris Pall.) много во всѣхъ садахъ, гдѣ они снуютъ преимущественно по вишневымъ деревьямъ и питаются косточками вишенъ. Обыкновенный и луговой чеканы встрѣчаются часто около слободы, черногрудки-же (Ruticilla) здѣсь не попадались мнѣ. Около Ведено я слышалъ крикъ горлицъ, перепеловъ, коростелей и кромѣ того нѣсколько разъ видѣлъ ягнятника (Gypaëtus barbatus L.), бѣлоголовыхъ грифовъ (Gyps fulvus Gm.) и коршуновъ (Milvus ater Gm.). По словамъ охотниковъ, сѣрыхъ куропатокъ около Ведено вовсе нѣтъ, перепелокъ очень мало, а вальдшнеповъ весною и осенью бываетъ много. Видѣлъ я дикихъ голубей (Columba livia Briss.), но ихъ, такъ же, какъ и витютней, въ этихъ мѣстахъ мало, вѣроятно, вслѣдствіе того, что хлѣбопашество здѣсь слабо развито. Въ садахъ и на дворахъ часто встрѣчается обыкновенная синичка (Parus major L.), лазаревка (Cyanistes coeruleus L.) и пѣночка (вѣроятно, Phylloscopus trochilus L.), щеглы (Carduelus elegans Steph.) и воробьи, при чемъ полевой воробей (Passer montanus Briss.) встрѣчается рѣже, чѣмъ домашній (P. domesticus Briss.).

Изъ млекопитающихъ въ горахъ, окружающихъ Ведено, водятся тѣ-же роды и виды, которые встрѣчаются въ окрестностяхъ Воздвиженской и Шатоя. Медвѣди (по-чеченски „ча") живутъ во всѣхъ лѣсахъ, и въ довольно значительномъ количествѣ. То-же можно сказать и о дикихъ свиньяхъ (по-чеченски „хека"). За ними охотятся не только русскіе, но и чеченцы, которые привозятъ ихъ въ Ведено и продаютъ крупныхъ и жирныхъ кабановъ по 7—8 рублей за штуку. Лѣтомъ убиваютъ ихъ по-преимуществу на кукурузныхъ поляхъ, которыя въ іюлѣ и августѣ, когда начинаетъ поспѣвать кукуруза, приходится тщательно оберегать отъ нашествія кабановъ. Зимою чеченцы стрѣляютъ ихъ, выслѣживая по снѣгу. Дикія козы („лу" по-чеченски) водятся также во всѣхъ лѣсахъ и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ. Олени („сей") уже истреблены въ горахъ, окружающихъ Ведено. Серны встрѣчаются изрѣдка верстахъ въ 15 отъ слободы, напр., на горахъ около аула Зивирхи. Рога и шкуры здѣшнихъ сернъ (двѣ пары) я видѣлъ у одного полѣсовщика. Хотя эти рога принадлежали старымъ экземплярамъ, но были значительно тоньше и короче, чѣмъ рога сернъ Кубанской обл. Очевидно, въ густо населенной Чечнѣ этимъ животнымъ нѣтъ того приволья, какое они находятъ на горахъ западнаго Кавказа; поэтому они, какъ и ихъ рога, уменьшились въ ростѣ. По словамъ полѣсовщика, ему ни-

когда не приходилось видѣть въ этихъ мѣстахъ сернъ съ болѣе развитыми рогами, чѣмъ тѣ, которые онъ мнѣ показывалъ. Безоаровые козлы въ окрестностяхъ Ведено не водятся. Волкъ („бордзъ“) встрѣчается всюду въ лѣсахъ, а лѣтомъ за стадами овецъ отправляется на горныя пастбища. Шакаловъ около Ведено нѣтъ вовсе. Лисицъ („цооголъ“) довольно много въ горахъ и на болѣе низкихъ мѣстахъ. Попадаются здѣсь типичныя красныя лисицы, сѣрыя горныя и черно-бураго цвѣта. Очень часто видятъ сѣрыхъ лисицъ около озера Эзень-амъ (1869 м. надъ ур. моря) и еще выше на окружающихъ его горахъ; много лисьихъ шкуръ привозятъ въ Ведено изъ сосѣднихъ частей Дагестанской области. Лисицы темно-бураго цвѣта цѣнятся здѣсь гораздо выше, чѣмъ сѣрыя и красныя. Барсуки („даамъ“) и дикія кошки („аакацицикъ“) встрѣчаются также довольно часто. Изъ шкуръ барсуковъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть и чехлы на ружьяхъ чеченцевъ. Куницы („салоръ“) водятся въ лѣсахъ около Ведено и въ другихъ мѣстахъ; за ними охотятся чеченцы, но продаютъ шкурки почему-то гораздо дешевле, чѣмъ въ Кубанской области, именно по 4 и по 5 руб. за штуку. Рѣчная выдра или порѣшня встрѣчается по всѣмъ рѣчкамъ окрестностей Ведено и часто добывается чеченцами. За зайцами („паагель“) охотятся какъ русскіе, такъ и чеченцы. Послѣдніе, въ противоположность горцамъ-магометанамъ Кубанской области и прочихъ мѣстностей Терской обл., употребляютъ мясо зайцевъ въ пищу.

Изъ Ведено я вмѣстѣ съ Г. П. Михайловскимъ отправился въ Дарго. Помимо желанія ознакомиться съ природой его окрестностей мнѣ хотѣлось посмотрѣть на аулъ и окружающую его мѣстность еще и потому, что мнѣ не разъ приходилось слышать о знаменитой даргинской экспедиціи и о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ оказался большой русскій отрядъ, состоявшій подъ командой самого намѣстника Кавказа графа Воронцова, около Дарго лѣтомъ 1845 года.

Дарго находится на западъ отъ Ведено, отстоитъ отъ него по прямой линіи всего лишь на одиннадцать верстъ, по дорогѣ же разстояніе до него равняется приблизительно верстамъ 16—18. Это происходитъ отъ того, что по пути къ Дарго приходится пересѣчь и отчасти обогнуть нѣсколько очень глубокихъ балокъ. Такимъ образомъ, добраться изъ Ведено въ Дарго можно только часовъ за пять.

Верстахъ въ двухъ отъ Ведено мы вбродъ переправились

черезъ Хулхулау, проѣхали аулъ Дышны-Ведень, расположенный на правомъ берегу упомянутой рѣчки, и начали подниматься на гору дорогою, которая шла частью по болѣе или менѣе открытой мѣстности, частью по лѣсу. Когда мы поднялись на гребень горы, то передъ нашими глазами открылась цѣлая система балокъ, направляющихся съ юга на сѣверъ и дающихъ начало р. Гудермесъ. Всѣ онѣ покрыты лѣсами. На сѣверъ отъ насъ тянулись не очень высокія горы, на которыхъ лѣсовъ было гораздо меньше, но виднѣлись чеченскіе аулы и много хлѣбныхъ полей. Переѣздъ черезъ эти балки довольно утомителенъ и непріятенъ: едва успѣешь выбраться изъ одной, какъ тотчасъ-же приходится спускаться въ другую и т. д. Спуски и подъемы здѣсь очень круты, поэтому значительную часть ихъ мы должны были пройти пѣшкомъ. Особенно длиненъ и крутъ спускъ за послѣднимъ истокомъ рѣчки, на тотъ хребетъ, который раздѣляетъ верховья Гудермеса и Аксая. Съ этого хребта также открывается обширный видъ на горы, чеченскіе аулы, представляющіе своего рода орлиныя гнѣзда, и знаменитые въ исторіи войны съ Шамилемъ Ичкеринскіе лѣса. На нѣкоторомъ протяженіи дорога идетъ вдоль гребня этого хребта, покрытаго кустами и рѣдкимъ лѣсомъ. Особенно поразило меня здѣсь необыкновенное обиліе шишекъ или мушмулы (Mespilus germanica). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ состоитъ только изъ однѣхъ ихъ и онѣ окаймляютъ обѣ стороны дороги почти на всемъ ея протяженіи.

Съ этого хребта начинается крутой спускъ, который тянется вдоль изрытой глубокими оврагами мѣстности и ведетъ въ долину Аксая. Здѣсь мы остановились на короткое время, въ теченіе котораго мой спутникъ Г. П. Михайловскій нашелъ въ глинистыхъ кручахъ и наносахъ много раковинъ міоценовой формаціи, особенно мактръ (Mactra). Отсюда же открывается красивый видъ на Дарго и окружающія его горы.

Передъ самымъ Дарго въ глубокой крутой балкѣ течетъ довольно порядочная рѣчка—одинъ изъ истоковъ Аксая. Намъ надо было переѣхать черезъ него и затѣмъ подняться на очень крутой уступъ, который былъ уже послѣднимъ на нашемъ пути. За нимъ тотчасъ-же начинается Дарго. Оно расположено на высотѣ приблизительно 700 м. (2300 ф.) надъ ур. моря на болѣе или менѣе возвышенномъ красивомъ выступѣ или мысѣ, который съ восточной стороны ограничивается балками нѣсколькихъ небольшихъ рѣчекъ, а съ западной—долиной упомянутаго уже

притока Аксая. Надъ дномъ послѣдней Дарго возвышается саженъ на 20 или на 30, образуя вездѣ очень крутые обрывы. Дарго представляетъ большой аулъ, который тянется съ сѣвера на югъ версты на три. Жилыя постройки въ немъ расположены на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, а между ними тянутся дворы, сады и огороды. Дарго, подобно Ведено, утопаетъ въ зелени. Вокругъ всѣхъ домовъ, а отчасти и на улицахъ растутъ груши, алыча, шишки и особенно много волошскихъ орѣховъ. Они растутъ почти на каждомъ дворѣ и въ каждомъ огородѣ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ образуютъ цѣлыя рощи. Вдоль улицъ, вокругъ садовъ и дворовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тянутся густыя живыя изгороди изъ боярышника и шиповника (Rosa). Жилыя постройки въ Дарго въ общемъ довольно порядочныя и чистыя. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ покрытыя травой земляныя крыши, а большая часть—черепичныя. Есть немало и довольно красивыхъ домиковъ. На огородахъ разводится по-преимуществу кукуруза. Вообще Дарго своимъ видомъ произвело на меня хорошее впечатлѣніе. Аулъ окруженъ со всѣхъ сторонъ не особенно высокими красивыми горами. На югѣ и особенно на юго-западѣ онѣ покрыты порядочными лѣсами, на сѣверѣ же представляютъ много открытыхъ мѣстъ, по которымъ разбросаны чеченскіе аулы и растутъ небольшіе лѣски и рощи.

Въ Дарго мы пріѣхали часа за три до захода солнца, ходили по садамъ и огородамъ, а вечеромъ ушли на окраину аула, желая избавиться отъ цѣлой толпы чеченцевъ, которая собралась, чтобы смотрѣть на насъ, какъ на чудо, въ кунацкую помощника аульнаго старшины, у котораго мы остановились. Возвратившись въ кунацкую въ десятомъ часу, мы снова застали въ ней много любопытныхъ. Говорятъ, впрочемъ, что оставлять гостей, по чеченскимъ понятіямъ, неделикатно,—поэтому, можетъ быть, они и толпились около насъ; но я увѣренъ, главную роль играло здѣсь любопытство. Вечеромъ насъ угостили ужиномъ—супомъ и курицей, приготовленной съ перцемъ, и притомъ превкусно. Послѣ ужина толпа чеченцевъ все еще не расходилась, и намъ пришлось, наконецъ, черезъ нашего проводника сказать имъ, что мы устали послѣ дороги и желаемъ лечь спать. Замѣчательно, что въ постеляхъ чеченцевъ не оказалось никакихъ насѣкомыхъ, и мы проспали на нихъ до самаго утра прекрасно.

На слѣдующій день почти съ восходомъ солнца я и Г. П. Михайловскій отправились посмотрѣть еще на памятникъ убитымъ

воинамъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то русскія войска, терпѣвшія крайній недостатокъ въ снарядахъ и провизіи, были окружены чеченцами и подъ ихъ выстрѣлами, раздававшимися въ густомъ лѣсу изъ-за каждаго дерева и куста, должны были сражаться въ теченіе нѣсколькихъ дней. Экспедиція въ Дарго была задумана, какъ извѣстно, въ очень широкихъ размѣрахъ по приказанію императора Николая I-го только что назначеннымъ на Кавказъ намѣстникомъ графомъ Воронцовымъ въ 1845 году съ цѣлью разрушенія Дарго, гдѣ у Шамиля былъ арсеналъ и склады различныхъ запасовъ. Цѣлая армія подъ начальствомъ самого Воронцова, приближаясь 6-го іюля къ Дарго съ южной стороны, должна была на протяженіи 6—7 верстъ пробираться по густому лѣсу, гдѣ всѣ дороги были испорчены, перекопаны и перегорожены засѣками и множествомъ заваловъ. Двигаться по этому лѣсу и брать завалы приходилось подъ жестокимъ огнемъ войскъ Шамиля, который причинилъ русскимъ громадныя потери. Только къ ночи нашимъ войскамъ удалось пройти верстъ пять и добраться до Дарго, которое было сожжено и уже оставлено Шамилемъ. Въ слѣдующіе дни въ томъ-же лѣсу и на той-же полянѣ русскимъ снова пришлось штурмовать завалы, которые были взяты ими 6-го іюля, а по уходѣ ихъ тотчасъ возобновлены горцами. Здѣсь потерпѣла отъ жестокаго огня чеченцевъ и лезгинъ колонна генералъ-лейтенанта Клюге-фонъ-Клугенау, высланная Воронцовымъ изъ Дарго для встрѣчи транспорта съ провіантомъ и боевыми припасами. Очень сильно пришлось пострадать русскимъ, пробираясь по узкимъ ущельямъ, и на дальнѣйшемъ пути къ сѣверу отъ Дарго. Общія потери во время этой экспедиціи выразились въ 3 генералахъ, 141 офицерѣ, а вмѣстѣ съ нижними чинами въ 3631 человѣкѣ! Подобныхъ потерь у русскихъ въ войнѣ съ горцами Кавказа никогда не случалось.

Чтобы попасть къ упомянутому мѣсту, оставившему по себѣ такую печальную память въ исторіи Кавказской войны, мы должны были проѣхать все Дарго съ сѣвера на югъ и затѣмъ, придерживаясь почти того-же направленія, подняться на довольно порядочную гору. Дорога на нее, окруженная съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, который успѣлъ со временъ Шамиля значительно порѣдѣть, выводитъ на длинную узкую поляну, простирающуюся вдоль притупленнаго гребня хребта. Проѣхавъ по этой полянѣ версты полторы, мы добрались до того мѣста, на которое главнымъ образомъ хотѣли посмотрѣть. Оно извѣстно у мѣстныхъ жителей

подъ именемъ Ахметъ-Ирипоу и представляетъ собою лугъ, покрытый свѣжей зеленой травой и простирающійся въ длину версты на двѣ или на три, а въ ширину приблизительно на полверсты. Этой поляной, расположенной на высотѣ приблизительно 1120 метровъ (3674 ф.), жители Дарго очень дорожатъ, какъ хорошимъ покоснымъ мѣстомъ,—поэтому дорогу, которая идетъ черезъ нее на находящіяся вдали горныя пастбища, огораживаютъ съ боковъ плетнями и изгородями. На этомъ лугу, гдѣ также происходила отчаянная битва и были погребены сотни, если не тысячи, убитыхъ, поставленъ въ высшей степени скромный памятникъ, состоящій изъ простого бѣлаго каменнаго креста, врытаго въ землю въ вертикальномъ положеніи. Онъ сдѣланъ изъ обыкновеннаго известняка или, можетъ быть, доломита и имѣетъ въ высоту около $2^1/_2$ аршинъ. На одной сторонѣ его высѣчена лаконическая надпись: „6—13 іюля 1845 г. Куринцы и Кабардинцы павшимъ товарищамъ“. Подъ нею находится изображеніе Георгіевскаго креста съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ чудовище. На другой сторонѣ памятника также высѣчена какая-то арабская надпись. Въ небольшомъ разстояніи отъ него кончается поляна и начинается тотъ густой лѣсъ, въ которомъ русскія войска дважды подвергались жестокому огню чеченцевъ, стрѣлявшихъ почти въ упоръ изъ-за заваловъ и деревьевъ. Съ поляны, на которой стоитъ памятникъ, открывается обширный видъ на горы Чечни, долины, ущелья, на всѣ Ичкеринскіе лѣса, которые съ непролазной грязью ихъ дорогъ составляли главный оплотъ Шамиля въ войнахъ противъ русскихъ *), на множество ауловъ и на Ведено, которое представляется отсюда свѣтлымъ пятнышкомъ, окруженнымъ моремъ лѣсовъ. Выше поляны также видны лѣса, которые образуютъ сравнительно неширокую полосу, и высокія горы, покрытыя альпійскими лугами. Съ этой стороны подходили къ Дарго русскія войска и должны были пройти упомянутую полосу лѣсовъ. Изъ древесныхъ породъ въ нихъ встрѣчаются кленъ, грабъ, боярышникъ и рододендроны (Azalea pontica), растущіе по-преимуществу у опушекъ лѣсовъ.

Въ Дарго и его окрестностяхъ встрѣчается довольно много птицъ. На огородахъ и дворахъ я видѣлъ соекъ (Garrulus Krinickii Kalen.), много черныхъ дроздовъ, зябликовъ, городскихъ

*) Говорятъ, Шамиль подвергалъ тяжелому наказанію каждаго срубившаго дерево безъ особой надобности.

ласточекъ (Hirundo rustica L.), сѣрыхъ мухоловокъ (Muscicapa grisola L.), пѣночекъ (Phylloscopus throchilus L.), а за ауломъ пестрыхъ дятловъ (Picus Pelzami Bogd.), дроздовъ-дерябъ (Turdus viscivorus L.) и краснохвостыхъ сарычей (Buteo Menetriesi Bogd.). Недалеко отъ поляны, на которой стоитъ памятникъ, я встрѣчалъ также корольковыхъ вьюрковъ (Serinus pusillus Pall.) и грязныхъ сиповъ (Neophron percnopterus L.).

IV.

Поѣздка изъ Ведено къ озеру Эзень-амъ. Аулъ Хорочой. Подъемъ на хребетъ Керкетъ. Перевалъ Хагалія. Озеро Эзень-амъ и его окрестности. Дорога къ Ботлиху. Ботлихъ и его окрестности. Аулъ Ансалты. Хребетъ Индой-ламъ. Аулъ Будты. Возвратный путь.

Изъ Ведено мною была предпринята еще поѣздка къ знаменитому озеру Эзень-амъ, которое лежитъ на границѣ Терской области съ Дагестанской на высотѣ болѣе 6000 ф. надъ уровнемъ моря, и въ Андійскій округъ Дагестанской области. Кромѣ меня и Г. П. Михайловскаго къ озеру отправлялись въ этотъ-же день два горныхъ инженера, пріѣхавшихъ въ Ведено изъ Грознаго, и два офицера—нашихъ новыхъ знакомыхъ. Такъ какъ всѣ они должны были ѣхать на линейкахъ, а я со своимъ проводникомъ верхомъ, то мы двое отправились изъ Ведено часа на полтора раньше всей прочей компаніи.

Путь нашъ проходилъ по ущелью Хулхулау, вдоль котораго проложена шоссейная дорога. На протяженіи первыхъ восьми верстъ она тянется лѣвымъ берегомъ Хулхулау по самому дну ущелья, покрытому мелкой, приземистой травой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги начинается лѣсъ, одѣвающій высокія крутыя горы, которыя составляютъ лѣвый склонъ ущелья. Проѣхавъ восемь верстъ по такой мѣстности, мы добрались до довольно порядочнаго чеченскаго аула Хорочой, расположеннаго на высотѣ 3326 ф. вблизи того мѣста, гдѣ р. Хулхулау образуется изъ двухъ рѣчекъ—Хорочой-эхки и Эри-эхки. Еще въ Ведено я слышалъ много разговоровъ объ аулѣ Хорочой, въ которомъ скрывался тогда извѣстный во всей этой мѣстности абрекъ Залимъ-ханъ. Онъ въ сообществѣ 2—3 чеченцевъ нѣсколько разъ нападалъ на проѣзжающихъ изъ Грознаго въ Ведено или Ботлихъ и, приставивъ дуло берданки къ груди или головѣ своей жертвы, принуждалъ ее подъ страхомъ смерти отдать всѣ свои деньги. Такимъ образомъ онъ ограбилъ одного купца и, какъ разсказывали мнѣ, спустя нѣ-

которое время послѣ этого взялъ съ него выкупъ, пообѣщавъ никогда больше не безпокоить купца во время его частыхъ поѣздокъ за товаромъ въ Грозный. Заплативъ дань, купецъ началъ ѣздить изъ Ведено во всѣ стороны и во всякое время сутокъ, не опасаясь уже встрѣчи съ Залимъ-ханомъ. Въ Хорочоѣ мнѣ показывали недостроенную саклю Залимъ-хана, а также саклю его брата, у котораго будто-бы Залимъ-ханъ часто ночуетъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы передъ разсвѣтомъ уйти въ лѣсъ, гдѣ у него есть нѣсколько надежныхъ притоновъ. Передъ моимъ пріѣздомъ въ Ведено начальствующія лица Терской области пріѣзжали въ Хорочой и требовали выдачи Залимъ-хана, угрожая въ случаѣ неисполненія этого требованія поставить въ аулъ войска. Не знаю, чѣмъ все это кончилось, но за время моего пребыванія въ Грозненскомъ округѣ (болѣе мѣсяца) Залимъ-ханъ выданъ не былъ. Ходилъ Залимъ, какъ сообщилъ мнѣ мой проводникъ, хорошо знавшій его, всегда съ берданкой и револьверомъ, нося при себѣ до сотни патроновъ, чтобы имѣть возможность отстрѣливаться и не продать дешево свою жизнь въ томъ случаѣ, если-бы его окружили и пытались изловить. Къ чести Залимъ-хана надо отнести то, что онъ, занимаясь грабежомъ, не совершилъ ни одного убійства и не пролилъ ни одной капли крови. Мой проводникъ находилъ даже, что Залимъ-хана не за что судить и наказывать, такъ какъ онъ, будучи человѣкомъ бѣднымъ, никогда не обижаетъ подобныхъ себѣ бѣдняковъ и отбираетъ деньги только у богатыхъ.

Около Хорочоя шоссейная дорога переходитъ на противоположный берегъ рѣчки и начинаетъ подниматься на гору, возвышающуюся за правымъ берегомъ Хорочой-эхки. Здѣсь, какъ я уже видѣлъ раньше съ вершины Таузень-болу-корта, она дѣлаетъ множество изгибовъ и поворотовъ, поднимаясь все выше и выше. Въ началѣ подъема эту дорогу окружаютъ каменистыя мѣста, покрытыя бѣдной растительностью, но дальше она становится все свѣжѣе и богаче. На высотѣ тысячъ пяти футовъ надъ ур. моря мы встрѣтили здѣсь уже чудные альпійскіе луга, усѣянные множествомъ красивыхъ цвѣтовъ. Несмотря на іюль, трава отличалась здѣсь свѣжестью и имѣла прекрасный зеленый цвѣтъ. Особенно пышно растетъ на этихъ мѣстахъ Betonica grandiflora съ крупными розовыми цвѣтами, а также генціаны, незабудки, пахучія желтыя лиліи (Lilium monadelphum). Здѣсь встрѣчалъ я и чемерицу (Veratrum album), но не вездѣ, а на нѣкоторыхъ болѣе или менѣе тѣнистыхъ мѣстахъ. На протяженіи первой половины,

подъема намъ попадались островки лѣса, состоявшаго по-преимуществу изъ березы и рябины, дальше-же лѣса отсутствуютъ совершенно и притомъ на большомъ пространствѣ. Горы этой мѣстности состоятъ изъ однихъ только известняковъ, имѣющихъ сѣроватый цвѣтъ, сильно вывѣтрившихся и потрескавшихся на всѣхъ обнаженныхъ мѣстахъ.

Верстахъ въ 15 отъ Ведено на шоссе построена будка, въ которой живетъ сторожъ, наблюдающій за дорогой. Около нея мы остановились на полчаса, чтобы дать отдохнуть нашимъ лошадямъ. Отъѣхавъ отъ этой будки еще верстъ восемь по дорогѣ, которая и въ этихъ мѣстахъ извивается змѣей, образуя множество зигзаговъ и поворотовъ, мы сдѣлали еще остановку, чтобы подождать остальныхъ членовъ нашей компаніи или по крайней мѣрѣ узнать, ѣдутъ-ли они за нами.

Съ того мѣста, гдѣ дорога на нѣкоторомъ протяженіи вытянулась почти въ прямую линію, открывается въ сѣверную сторону чудный видъ на покрытыя зеленью верховья Хорочоя, Элистанжи и множество другихъ ущелій, вершинъ, хребтовъ и балокъ Чечни. Прождавъ здѣсь съ полчаса, я наконецъ увидѣлъ на одномъ изъ поворотовъ шоссе движущуюся темную полоску и, взглянувъ въ бинокль, тотчасъ узналъ линейки нашихъ спутниковъ. Мы поѣхали дальше, рѣшивъ подождать ихъ у слѣдующей будки, до которой оставалось еще версты три.

Эта будка расположена, по опредѣленію анероидомъ, на высотѣ около 1900 м. (6230 ф.) надъ уровнемъ моря, окружена альпійскими лугами и отстоитъ отъ перевала Хагалія только на 4 версты. Несмотря на большую высоту мѣста, на которомъ стоитъ будка, видъ съ нея не такъ хорошъ, какъ съ той части пути, на которой мы останавливались полчаса тому назадъ. Причиною этого являются ближайшія горы, скрывающія даль. Сосѣднія съ будкой вершины, напр., Володамъ-инци, поднимаются до 7490 футовъ, слѣдовательно, слишкомъ на 1200 ф. выше мѣста, занятаго будкой. Надо замѣтить, что около нея дорога захватываетъ уже Дагестанскую область, но вблизи озера снова входитъ въ Терскую. Черезъ полчаса послѣ отъѣзда изъ будки мы поднялись на высшую точку пути по дорогѣ къ озеру, на перевалъ Хагалія, находящійся на хребтѣ Керкетъ, который тянется приблизительно съ востока на западъ и отдѣляетъ бассейнъ Хулхулау и Аргуна отъ бассейна Андійскаго Кой-су. Этотъ перевалъ имѣетъ высоту, какъ уже было сказано раньше, 2132 м. или 6903 ф. Съ него от-

крывается очень красивый видъ на югъ на горы, окружающія озеро, и на глубокую котловину, въ которой оно лежитъ; если-же пройти отъ перевала нѣсколько десятковъ шаговъ, открывается далеко внизу блестящая темно-синяя полоса воды: это длинный сѣверный заливъ озера. Что касается собственно перевала, то онъ ничего особеннаго не представляетъ. Горы, окружающія его, болѣе или менѣе пологи, почти сплошь покрыты травой, а небольшія скалы встрѣчаются на нихъ какъ исключеніе. Снѣговъ въ лѣтнее время нигдѣ вблизи перевала нѣтъ.

Разстояніе отъ перевала Керкетъ до озера по прямой линіи едва ли превосходитъ двѣ версты, но шоссе, спускаясь съ перевала въ глубокую котловину, и здѣсь дѣлаетъ такъ много зигзаговъ, что разстояніе до озера увеличивается по крайней мѣрѣ вдвое. Чтобы миновать эти зигзаги, я отдалъ лошадь своему проводнику и отправился къ озеру почти по прямой линіи. Мои сапоги, подбитые новыми, острыми швейцарскими гвоздями, дали мнѣ возможность свободно спускаться съ самыхъ крутыхъ откосовъ,—поэтому я сильно опередилъ всѣхъ своихъ спутниковъ, ѣхавшихъ на линейкахъ. Часа за два до захода солнца всѣ мы спустились уже къ берегу озера, и оно раскинулось передъ нашими глазами. Мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться чудной картиной, а затѣмъ отправились дальше. Намъ надо было объѣхать все озеро съ правой стороны (западной), чтобы попасть къ будкѣ, стоящей у юго-западнаго конца его, и сдѣлать такимъ образомъ по берегу озера еще версты четыре. Дорога здѣсь извивается надъ самымъ озеромъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саженъ на 25 выше уровня его; на значительномъ протяженіи она высѣчена въ сплошной скалѣ. Ѣхали мы по ней съ большимъ наслажденіемъ, любуясь озеромъ и окружающими его горами, которыя были необыкновенно эффектно освѣщены лучами заходящаго солнца. Наконецъ, за часъ до наступленія вечера мы добрались до будки, проѣхавъ отъ Ведено 43 версты и употребивъ на дорогу вмѣстѣ съ остановками почти цѣлый день.

Будка, имѣющая кромѣ сѣней и кухни еще двѣ комнаты для остановки пріѣзжающихъ на озеро, удалена отъ него шаговъ на 200 и стоитъ на нѣсколько десятковъ футовъ выше уровня озера, который находится на высотѣ 1869 м. или 6130 ф. надъ уровнемъ моря. Въ будкѣ живетъ сторожъ-чеченецъ съ женою: у него имѣется самоваръ, чайная и обѣденная посуда, подушки и т. д.,—поэтому здѣсь можно остановиться и не терпѣть недостатка въ

самомъ необходимомъ. Тотчасъ послѣ пріѣзда мы расположились подъ открытымъ небомъ около будки, чтобы пить чай на свѣжемъ воздухѣ; нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ хлопотали даже о томъ, чтобы чайный столъ былъ накрытъ не на солнцѣ, а въ тѣни, хотя я и говорилъ, что высота слишкомъ въ 6000 ф. послѣ захода солнца скоро дастъ себя почувствовать. Дѣйствительно, едва только скрылось за горами солнце, какъ уже многіе изъ насъ пожелали перебраться въ караулку.

Послѣ чая при свѣтѣ луны мы съ наслажденіемъ катались по озеру въ лодкѣ. Въ это время мальчишки-чеченцы успѣли наловить намъ нѣсколько десятковъ форелей, изъ которыхъ въ тотъже вечеръ была сварена очень вкусная уха.

На слѣдующее утро мы вмѣстѣ напились чаю, погуляли около озера часа два, еще покатались на лодкѣ, а затѣмъ вся наша компанія, кромѣ меня и моего проводника, отправилась назадъ въ Ведено; я-же остался на озерѣ, чтобы лучше осмотрѣть его, сосѣднія съ нимъ мѣста и затѣмъ ѣхать дальше, въ Андійскій округъ Дагестанской области.

Утромъ, при яркомъ сіяніи солнца, озеро Эзень-амъ показалось мнѣ еще болѣе красивымъ. Лежитъ оно, какъ уже было замѣчено, въ очень глубокой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими крутыми горами. Однѣ изъ нихъ, напримѣръ, Азалъ, находящійся къ востоку отъ озера, поднимается до высоты слишкомъ въ 8700 ф., а другія, отстоящія нѣсколько дальше, своей высотой превосходятъ 9200 ф. Почти всѣ эти горы покрыты лугами, но далеко не такими пышными, какъ тѣ, по которымъ мы проѣзжали передъ переваломъ Хагалія. Съ альпійскими лугами западнаго Кавказа ихъ даже невозможно сравнивать. Скалъ на этихъ горахъ мало, а лѣсовъ и вѣчныхъ снѣговъ нѣтъ вовсе. Вслѣдствіе этого, какъ ни красиво озеро Эзень-амъ, все-же оно значительно уступаетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ другимъ озерамъ Кавказа, напримѣръ, озеру Кели, находящемуся въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи на высотѣ болѣе 10000 фут. надъ уровнемъ моря. Всѣ окружающія озеро горы болѣе или менѣе доступны для человѣка и почти вездѣ на нихъ пасутся стада барановъ и крупнаго рогатаго скота. Хотя мнѣ говорили, что на нихъ попадаются иногда безоаровые козлы, но этому я мало вѣрю. Вода въ озерѣ очень чиста, прозрачна, имѣетъ красивый темно-синій цвѣтъ и сильно напоминаетъ воду морей, напр., Чернаго, Мраморнаго и т. д. Температура ея вблизи береговъ въ іюлѣ въ

5 часовъ утра равнялась 10° Ц., а въ 4 часа пополудни 20° Ц. Чеченцы, которыхъ мы застали около озера, говорили мнѣ, что оно очень глубоко, но г. Завадскій, измѣрявшій глубину его лотомъ, нашелъ, что она, если не ошибаюсь, не превосходитъ 20 саженъ. Эзень-амъ имѣетъ неправильную форму и состоитъ изъ болѣе широкой юго-западной части и двухъ заливовъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе короткій, тянется на востокъ, другой, болѣе длинный и узкій, почти на сѣверъ. Въ этотъ послѣдній впадаетъ небольшая рѣчка Харсумъ, черезъ которую мы переѣхали, приближаясь къ озеру. Эта рѣчка вытекаетъ изъ хребта Керкетъ и сильно заноситъ иломъ сѣверный заливъ озера. Въ западный заливъ его впадаетъ другая маленькая горная рѣчка—Кауха. Онѣ въ значительной степени питаютъ озеро, такъ какъ въ сухое время и послѣ того, когда снѣгъ уже стаетъ на горахъ, въ него почти ни откуда не течетъ вода, кромѣ этихъ рѣчекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дно озера сплошь затягиваетъ Polygonum amphium и Myriophyllum; кромѣ того въ озерѣ растутъ водоросли. Въ особенности ихъ много вблизи устьевъ р. Харсумъ, гдѣ къ нимъ присоединяются различныя болотныя травы, превращающія это мѣсто озера въ болото, поверхность котораго почти сплошь затянута листьями кувшинокъ (Nymphaea) и другихъ водныхъ растеній. При бѣгломъ осмотрѣ озера Эзень-амъ можно подумать, что оно не выпускаетъ изъ себя воды, но это оказывается несправедливымъ. Къ сѣверо-западу отъ озера, приблизительно въ верстѣ или двухъ отъ него, въ глубокой балкѣ, дно которой лежитъ ниже уровня озера, изъ земли бьетъ огромный родникъ, тотчасъ-же превращающійся въ цѣлую рѣчку, которая соединяется съ другими рѣчками, вытекающими изъ горъ къ востоку отъ озера, и направляется дальше черезъ аулъ Ансалты къ Андійскому Кой-су. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что этотъ родникъ питается водами озера, которыя проникаютъ сюда подземнымъ ходомъ и пробиваются затѣмъ на поверхность земли. По разсказамъ сторожа и другихъ чеченцевъ, уровень воды въ озерѣ непостояненъ. Въ концѣ весны и въ началѣ лѣта онъ повышается, а къ осени замѣтно понижается. Кромѣ того, въ нѣкоторые годы наблюдается болѣе сильное колебаніе уровня воды. Вѣроятно, это совершается въ зависимости отъ количества снѣга, выпадающаго на горахъ, которыя окружаютъ озеро. Строеніе береговъ, покрытыхъ широкой полосой бѣлыхъ, болѣе или менѣе обмытыхъ кусковъ известняка, также указываетъ на колебаніе уровня воды въ озерѣ.

Говоря объ озерѣ Эзень-амъ, нельзя не коснуться вопроса о наиболѣе вѣроятной причинѣ происхожденія его. Такъ какъ это озеро лежитъ въ глубокой котловинѣ и со всѣхъ сторонъ окружено горами, которыя начинаются у самаго берега и поднимаются на цѣлыя тысячи футовъ выше уровня его, то можно подумать, что причиной образованія озера были вулканическія или тектоническія силы, какой-нибудь переворотъ, сбросъ, глубокое осѣданіе пластовъ земли и т. под. Но, если присмотрѣться къ тѣмъ скаламъ, которыя выступаютъ надъ покрытыми зеленью склонами горъ и во многихъ мѣстахъ тянутся неширокой полосой на цѣлыя версты, то нельзя не замѣтить, что залеганіе и паденіе пластовъ по обѣимъ сторонамъ озера очень согласованы и однообразны, если не считать незначительныхъ, второстепенныхъ изгибовъ ихъ. Дислокаціонныя явленія выразились здѣсь только въ общемъ наклонѣ слоевъ въ одну сторону. Всѣ обнаженныя скалы на горахъ, окружающихъ озеро, состоятъ только изъ осадочныхъ породъ известняковъ, и никакихъ другихъ, не говоря уже про изверженныя, здѣсь не оказывается вовсе. Все это доказываетъ, что происхожденіе озера должно быть совершенно инымъ. Безъ сомнѣнія, прежде на мѣстѣ озера было обыкновенное ущелье съ рѣчкой, протекавшей по дну его, но вблизи теперешняго южнаго конца озера произошелъ большой обвалъ, который завалилъ самую нижнюю часть ущелья (дно его), перегородилъ русло рѣчки и запрудилъ ее. Вода начала мало-по-малу накопляться въ этой глубокой котловинѣ и такимъ образомъ возникло озеро. Можетъ быть, это случилось даже не особенно давно, въ историческія времена; подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить отчасти чеченскій миѳъ о происхожденіи озера на мѣстѣ какого-то аула, провалившагося подъ землю.

По дорогѣ къ озеру, а въ особенности около него мнѣ попадалось довольно много птицъ. Вблизи озера я нѣсколько разъ видѣлъ альпійскихъ галокъ (**Pyrrhocorax alpinus Wiell.**), и клушицъ (**Fregilus graculus L.**). Часто прилетаютъ къ озеру маленькими стайками и пьютъ изъ него воду дикіе голуби (**Columba livia L.**). По скаламъ и кучамъ камней всюду попадаются корольковые вьюрки (**Serinus pusillus Pall.**) и особенно много чекановъ. Изъ нихъ чаще всего встрѣчается обыкновенная каменка или чеканъ-попутчикъ (**Saxicola oenanthe L.**), который быстро прыгаетъ по камнямъ, забирается въ разсѣлины ихъ или взлетаетъ и ловитъ въ воздухѣ насѣкомыхъ. Очень часто встрѣчается здѣсь и

другой видъ этого рода—черноухій чеканъ (Saxicola aurita Temm.). По дорогамъ и лугамъ снуютъ горныя овсянки (Emberiza cia L.); здѣсь-же небольшими стайками летаютъ пестрые снѣжные вьюрки (Plectrofringilla alpicola Pall.). Вблизи озера я встрѣтилъ еще нѣсколько штукъ рогатыхъ жаворонковъ (Otocoris penicillata Güld.), которые прежде мнѣ почти никогда не попадались. Одного изъ нихъ я застрѣлилъ и снялъ съ него шкурку. На головѣ у него черныя длинныя торчащія перья образуютъ какъ-бы два рога. Найдены были эти жаворонки на холмистой мѣстности, покрытой низкой травой, и на высотѣ, превышающей лишь на нѣсколько десятковъ футовъ высоту озера. Здѣсь-же попадались хохлатые жаворонки (Alauda cristata L.) и коноплянки (вѣроятно, Linota bella Hemp. et Ehrb.). Недалеко отъ озера я видѣлъ еще довольно много бѣлозобыхъ дроздовъ (Merula torquata L.), стервятниковъ или сиповъ (Neophron percnopterus L.) и бѣлоголовыхъ грифовъ (Gyps fulvus Gm.). Послѣднія двѣ птицы въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются вообще довольно часто, а значительно рѣже ихъ черно-бурый грифъ (Vultur monachus L.). Вблизи озера летаетъ довольно много бѣлобрюхихъ стрижей (Cypselus melba L.). Водныхъ и болотныхъ птицъ на озерѣ я не видѣлъ вовсе.

Всѣ только что упомянутыя птицы, за исключеніемъ снѣжныхъ вьюрковъ и рогатыхъ жаворонковъ, встрѣчались намъ и по дорогѣ къ озеру, между Хорочоемъ и переваломъ Хагалія. Горныхъ овсянокъ и корольковыхъ вьюрковъ тамъ мы видѣли даже больше, чѣмъ вблизи озера, соекъ-же въ той мѣстности я не встрѣчалъ вовсе. Завирушки (Accentor) и черногрудки (Rhuticilla) вблизи перевала попадаются довольно часто.

По словамъ пастуховъ, на горахъ, окружающихъ Эзень-амъ, часто встрѣчаются небольшія сѣрыя змѣи съ черными пятнами на спинѣ. Онѣ иногда кусаютъ овецъ, отчего укушенная часть сильно распухаетъ, животное болѣетъ нѣсколько дней и нерѣдко издыхаетъ. Безъ сомнѣнія, это гадюки (Vipera berus L.) и, можетъ быть, Renardi Christ., которую я неоднократно встрѣчалъ на горахъ. Нѣсколько красивыхъ проворныхъ горныхъ ящерицъ (Lacerta muralis Laur.) я встрѣтилъ по дорогѣ къ озеру выше Хорочоя, жабъ находилъ вблизи озера, но лягушекъ въ немъ не видѣлъ вовсе и не слышалъ ихъ крика. Изъ рыбъ въ озерѣ водится только форель. Вечеромъ, сидя въ одиночествѣ на берегу озера, я убѣдился, какъ много въ немъ этой рыбы. Плесканье ея было видно непрерывно во всѣхъ направленіяхъ; при этомъ многія фо-

рели выскакивали изъ воды всѣмъ тѣломъ, подбрасывая его надъ поверхностью воды на футъ, если не болѣе. Водящаяся въ Эзень-амѣ форель (Salmo fario L.) составляетъ описанную К. Ѳ. Кесслеромъ дагестанскую разновидность рѣчной форели *). Большая часть экземпляровъ, пойманныхъ во время нашего пребыванія на озерѣ, имѣли длину отъ 7 до 9 дюймовъ (18—23 сант.); но здѣсь попадаются, по-преимуществу вдали отъ береговъ, и болѣе крупные экземпляры, хотя, конечно, не такіе, какіе описываются нѣкоторыми рыболовами **).

Окрестности озера, безъ сомнѣнія, отличаются очень здоровымъ климатомъ. Въ лѣтнее время здѣсь всегда бываетъ болѣе или менѣе прохладно, а ночью, утромъ и вечеромъ даже холодно. Въ іюлѣ въ 5 часовъ утра я наблюдалъ два раза температуру въ 9—10° Ц. Зимою выпадаетъ очень много снѣга, но во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ на высокихъ горахъ западнаго Кавказа,—поэтому въ караулкѣ, находящейся около озера, сторожа живутъ въ теченіе всего года. Замерзаетъ озеро довольно поздно, именно въ декабрѣ. Вблизи озера сѣютъ хлѣба, по-преимуществу ячмень, который здѣсь довольно хорошо вызрѣваетъ.

Шоссейная дорога отъ озера Эзень-амъ на Ботлихъ идетъ вначалѣ по широкой долинѣ почти прямо на югъ и проходитъ черезъ аулъ Хой, отстоящій отъ озера версты на три. Хой расположенъ почти на такой-же высотѣ, какъ озеро. Лѣсовъ вокругъ него нѣтъ вовсе и потому весь онъ построенъ изъ камня. Толстая каменная стѣна, высотою сажени въ 4, съ заворотами по обоимъ концамъ ея, находится въ юго-восточной сторонѣ аула и служила прежде своего рода крѣпостью. Въ аулѣ-же находится высокая четыреугольная каменная башня, также служившая для его защиты. Населенъ Хой чеченцами, но онъ представляетъ уже послѣдній въ этой мѣстности чеченскій аулъ. Вблизи него и дальше на склонахъ ущелья всюду видны камни и скалы, состоящія изъ

*) К. Кесслеръ. Труды Арало-Каспійской Экспедиціи. Вып. IV, стр. 75.

**) Въ статьѣ Сургутскаго (Природа и Охота, ноябрь 1903 г.) упоминается о фореляхъ изъ озера Эзень-амъ, вѣсящихъ 10, 10½ и даже 21 ф. Такого вѣса достигаетъ иногда особаго вида форель (Salmo ischan Kess.), водящаяся въ Гокчѣ, но относительно рѣчной это очень сомнительно. В. Сургутскій сообщаетъ также, что, по разсказамъ туземцевъ, форели Эзень-ама достигаютъ иногда чудовищной величины („если два человѣка несутъ ее на палкѣ, то хвостъ касается земли“).

известняковъ. Хой расположенъ въ ущельѣ маленькой рѣчки, получающей начало близъ перевала къ Ботлиху. Она течетъ къ западу, впадаетъ въ рѣчку, питающуюся озеромъ, и принадлежитъ, слѣдовательно, бассейну Андійскаго Кой-су. Въ лѣтнее время воды нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣчекъ не доходятъ, однако, до Кой-су, испаряясь въ той жаркой пустынной и почти безводной котловинѣ, въ которой лежитъ Ботлихъ. Ущелье рѣчки выше аула Хой очень тѣсно, скалисто и всюду завалено камнями. При воспоминаніи о немъ мнѣ прежде всего представляются камни на каждомъ шагу, а затѣмъ множество порхающихъ по нимъ мелкихъ птичекъ—горныхъ овсянокъ, корольковыхъ вьюрковъ, чекановъ различныхъ видовъ (Saxicola oenanthe, S. aurita и S. morio), коноплянокъ и т. д. Нигдѣ не видѣлъ я такъ много снѣжныхъ вьюрковъ, какъ здѣсь. Они большими стайками весело летаютъ, купаясь въ яркомъ свѣтѣ альпійскаго солнца и сверкая своимъ блестящимъ, красивымъ и очень пестрымъ опереніемъ. Здѣсь часто попадаются на глаза клушицы (Fregilus graculus L.) и альпійскія галки (Pyrhocorax alpinus Wieill).

По ущелью Хой дорога поднимается все выше и выше и выходитъ такимъ образомъ на горы съ очень тупыми вершинами и гребнями, напоминающими плоскогорье. По нему проходитъ граница между Терской областью и Андійскимъ округомъ Дагестанской области. Все это плоскогорье покрыто мелкой, приземистой и въ общемъ довольно тощей травкой. Здѣсь-же цвѣтутъ мелкія незабудки, лютики и клеверъ. Мѣста эти расположены на высотѣ слишкомъ 2 тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря, представляютъ въ лѣтнее время хорошія пастбища и потому на нихъ всюду бродятъ стада овецъ и крупнаго рогатаго скота. Такая мѣстность тянется до самаго перевала, ведущаго къ Ботлиху. Этотъ перевалъ находится вблизи горъ Чанхо (7149 ф.) и Абдалъ (8540 ф.) и самъ имѣетъ высоту слишкомъ въ 7000 ф. (около 2200 метровъ). На проѣздъ до него отъ озера мы употребили ровно $2^1/_2$ часа.

На перевалѣ я сдѣлалъ небольшой отдыхъ, чтобы осмотрѣть окружающую перевалъ мѣстность и полюбоваться красивыми видами, которые открываются съ него. Особенно замѣчателенъ видъ на покрытые вѣчными снѣгами Богосскій и Пирикительскій хребты, отстоящіе отсюда верстъ на сорокъ. Пирикительскій хребетъ представляетъ группу снѣжныхъ вершинъ, на которыхъ видны два большіе глетчера, а лѣвѣе (восточнѣе) ихъ огромныя снѣжныя

поля, въ нижней части переходящія въ третій глетчеръ. На темно-синемъ безоблачномъ небѣ эти блестящія, какъ будто-бы покрытыя серебромъ, вершины обрысовываются необыкновенно ясно и красиво. Съ перевала открывается, хотя и не вполнѣ, та глубокая котловина, въ которой расположенъ Ботлихъ.

Дорога при самомъ началѣ спуска съ перевала дѣлаетъ два длинные зигзага, тянется невдалекѣ отъ небольшого горнаго озерца и затѣмъ выходитъ къ крутому откосу, съ котораго открывается уже видъ на самый Ботлихъ и всю окружающую его мѣстность. Отсюда до Ботлиха по прямой линіи всего лишь 6 верстъ и виденъ онъ такъ хорошо, какъ будто-бы разстояніе до него не превышаетъ 2—3 верстъ. Съ этихъ мѣстъ Ботлихъ кажется маленькимъ оазисомъ или островкомъ темной густой зелени. Онъ лежитъ почти на 4000 футовъ ниже перевала. Со всѣхъ сторонъ его окружаетъ печальная, выжженная солнцемъ желто-сѣрая пустыня, которая представляетъ поразительный контрастъ не только съ самимъ Ботлихомъ, но и съ тѣми горами, по которымъ мы только что проѣзжали. Въ восточной сторонѣ Ботлиха видны красныя крыши казармъ и сѣрыя сакли аварцевъ; западная-же часть его утопаетъ въ зелени садовъ.

Спускъ къ Ботлиху скученъ, утомителенъ по своему однообразію и длиненъ до безконечности. Онъ тянется, вѣроятно, верстъ на двадцать, дѣлая безчисленное множество зигзаговъ и напоминая въ этомъ отношеніи Млетскій спускъ. Ботлихъ все время виденъ съ дороги, но за цѣлые часы пути разстояніе до него какъ будто-бы нисколько не сокращается. Этотъ спускъ надоѣлъ мнѣ до невозможности и подъ-конецъ страшно утомилъ меня. Надо замѣтить, что склонъ горы, по которому онъ тянется, обращенъ прямо на югъ, сильнѣйшимъ образомъ накаляется солнцемъ и еще до наступленія полдня всѣ скалы и камни его начинаютъ дышать огнемъ. Проѣзжая здѣсь днемъ, испытываешь мученія отъ жары, а между тѣмъ воды нельзя найти нигдѣ*). Мы ѣхали по этому спуску, имѣя все время передъ глазами Ботлихъ, цѣлые четыре часа. Въ началѣ спуска по сторонамъ шоссе было много свѣжей зелени, потомъ ея становилось все меньше и меньше, а верстъ за восемь или девять отъ Ботлиха мы вступили уже въ настоящую пустыню съ лишенной растительности глинистой почвой, съ безчисленнымъ множествомъ промытыхъ водою канавъ, балокъ, яровъ

*) Кажется, на всемъ пути есть только одинъ родничекъ.

и овраговъ, имѣющихъ очень крутые или даже отвѣсные берега. Многіе изъ нихъ могли бы вмѣстить въ себѣ цѣлую рѣку глубиною въ нѣсколько саженъ, но нигдѣ въ нихъ нельзя было найти ни одной лужи, ни одной капли воды. Вся она превращена въ паръ горячимъ дагестанскимъ солнцемъ. Только кое-гдѣ торчатъ здѣсь кустики сухихъ, колючихъ, почти безлистныхъ ксерофильныхъ травъ, настоящихъ дѣтей пустыни, да изрѣдка встрѣчаются тощіе кустики держи - дерева (Paliurus aculeatus). Мѣстность болѣе печальную, чѣмъ эта, трудно даже представить себѣ! А между тѣмъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ нея находятся мѣста съ богатѣйшей растительностью, каковы, напр., окрестности Хорочоя и другія части горной Чечни. Со спуска къ Ботлиху также видны Богосскій и Пирикительскій хребты. На нихъ только и можно съ удовольствіемъ остановить свой взоръ.

Чтобы сократить путь, мы выбрасывали нѣкоторые зигзаги шоссе и ѣхали по прямой линіи, но раза два—три должны были раскаяться въ этомъ, такъ какъ встрѣчали такіе глубокіе овраги, черезъ которые нельзя было ни проѣхать верхомъ, ни провести лошадей. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ботлиха шоссе проходитъ мимо аула Тандо, стоящаго на возвышенномъ хребтѣ. Аулъ имѣетъ очень оригинальный, даже красивый видъ, весь состоитъ изъ высокихъ каменныхъ построекъ, воздвигнутыхъ амфитеатромъ одна надъ другой и непремѣнно снабженныхъ высокими крытыми галлереями. Зато окрестности Тандо прямо ужасны: это пустыня съ желто-сѣрой глинистой, солончаковой почвой, усѣянная безчисленнымъ множествомъ трещинъ, а также овраговъ и канавъ; кромѣ того, она почти совершенно лишена растительности. Только кое-гдѣ попадаются здѣсь на глаза маленькіе кустики такихъ колючихъ травъ, къ которымъ опасно даже прикоснуться. Особенно страшны въ этомъ отношеніи астрагалы, усаженные острыми длинными (болѣе дюйма) и тонкими, какъ настоящая иголка, колючками. Такъ какъ онѣ очень хрупки и ломки, то могутъ причинить иногда болѣе или менѣе серьезныя пораненія. Стараясь скорѣе добраться до Ботлиха, я рѣшилъ собрать хотя нѣкоторыя изъ этихъ растеній для своего гербарія послѣ, во время пребыванія въ Ботлихѣ или на возвратномъ пути изъ него. Вся мѣстность отъ Тандо до Ботлиха представляетъ такую-же пустыню, какъ окрестности Тандо. Спускаясь къ Ботлиху, мы два раза вспугивали по парѣ горныхъ курочекъ (Perdix chucar Gray), видѣли нѣсколькихъ вороновъ (Corvus corax L.), сиповъ (Neophron percnopterus L.), много

обыкновенныхъ и черноухихъ чекановъ (Saxicola oenanthe L. и S. aurita Temm.) и чекановъ-плѣшанокъ (Saxicola mario Ehrb.). Послѣдній попадался, впрочемъ, значительно рѣже, чѣмъ два предъидущіе. Немного выше Ботлиха я видѣлъ трехъ удодовъ (Upupa epops L.), встрѣчающихся въ горахъ очень рѣдко, и много корольковыхъ вьюрковъ (Serinus pusillus Pall.).

На горахъ, по которымъ проходитъ шоссейная дорога къ Ботлиху, и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ встрѣчаются обнаженія очень разнообразныхъ и, очевидно, имѣющихъ различный возрастъ геологическихъ отложеній. Вершины горъ и здѣсь состоятъ изъ известняковъ мѣловой формаціи, образующихъ очень мощные пласты. За ними слѣдуютъ отложенія крупно-слойныхъ мергелей, также достигающихъ очень значительной толщины; еще ниже лежатъ песчаники и темно-бураго цвѣта конгломераты, а между ними толстые слои глинъ. Необыкновеннымъ богатствомъ ископаемыхъ остатковъ отличаются пласты, лежащіе недалеко отъ самаго Ботлиха (въ западной сторонѣ его, у самаго шоссе). Они состоятъ почти исключительно изъ раковинъ крупныхъ пластиножаберныхъ моллюсковъ. Хотя многія изъ нихъ болѣе или менѣе раздроблены, но въ общемъ сохранились очень хорошо. Даже перламутровый слой ихъ не утратилъ ни блеска, ни цвѣта.

Часа за два до захода солнца мы добрались наконецъ до Ботлиха, представляющаго административный центръ Андійскаго округа Дагестанской области и лежащаго въ ущельѣ Андійскаго Кой-су на лѣвой сторонѣ его и на нѣсколько сотъ футовъ надъ дномъ ущелья. Сама рѣка отстоитъ отъ Ботлиха версты на 3 или на 4. Въ Ботлихѣ живетъ начальникъ округа, начальникъ участка и стоитъ немного войска.

Ботлихъ расположенъ на сильно пересѣченной, неровной мѣстности. Мы въѣхали въ него съ западной стороны, т. е. съ той, которая, какъ я уже говорилъ, утопаетъ въ зелени. Здѣсь почти все пространство занято садами съ находящимися внутри ихъ огородами, а сакли и домики аварцевъ или тавлинцевъ далеко отстоятъ другъ отъ друга и почти не видны за густой зеленью. Даже хлѣбныя поля, на которыхъ растетъ высокая и густая колосистая пшеница, находятся въ самомъ Ботлихѣ, внутри садовъ и огородовъ, за неимѣніемъ другихъ удобныхъ для этого мѣстъ. Фруктовыя деревья, хлѣбныя и огородныя растенія развиваются здѣсь прекрасно, но, конечно, только при обильномъ искусственномъ орошеніи. Внутри каждаго сада имѣется одна или нѣсколько

оросительныхъ канавъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ въ садахъ Ботлиха растутъ по-преимуществу волошскіе орѣхи, персики и абрикосы, рѣже яблони, груши, а на огородахъ разводятъ по-преимуществу тыквы, рѣдьку и картофель, растущій здѣсь очень хорошо. Арбузовъ и дынь почти не сѣютъ. Дома и сакли Ботлиха состоятъ изъ высокихъ каменныхъ построекъ и непремѣнно съ высокими-же крытыми галлереями, поддерживающимися деревянными столбами. Въ восточной части Ботлиха видны большія каменныя постройки съ красными желѣзными крышами. Это крѣпость и казармы, въ которыхъ живутъ пластуны, солдаты-артиллеристы, а также стоятъ орудія.

Ботлихъ расположенъ на высотѣ почти 1000 метровъ (3174 ф.) надъ ур. моря; впрочемъ, различныя части его подняты неодинаково. Раньше я слышалъ о Ботлихѣ, какъ о мѣстѣ съ очень жаркимъ лѣтомъ, но это оказалось несправедливымъ. Среди дня здѣсь, дѣйствительно, жарко, но вечеромъ, а въ особенности ночью и утромъ, бываетъ довольно прохладно. Въ дни моего пребыванія въ Ботлихѣ въ половинѣ іюля въ шестомъ часу утра бывало отъ 17 до 18° Ц. при сухой ясной погодѣ. Прохладный вѣтерокъ, дующій ночью какъ по ущелью Кой-су, такъ и со всѣхъ окружающихъ Ботлихъ высокихъ горъ, сильно умѣряетъ жару въ Ботлихѣ. Значительная абсолютная высота мѣстности, на которой стоитъ Ботлихъ, также не можетъ не оказывать вліянія на температуру его. Климатъ Ботлиха, расположеннаго на склонѣ горы и значительно выше дна ущелья, долженъ быть здоровымъ. Я разспрашивалъ мѣстныхъ жителей и, между прочимъ, одного азіатскаго лѣкаря Нуръ-Магомета Алхазова относительно лихорадокъ (маляріи), и всѣ они говорили, что лихорадками болѣютъ здѣсь въ настоящее время очень мало; въ прежніе-же годы, когда по берегамъ Кой-су противъ Ботлиха и ниже его стояли болота, отъ маляріи страдали гораздо больше. Въ этомъ отношеніи особенно плохую славу пріобрѣло, какъ, можетъ быть, извѣстно читателю, бывшее Преображенское укрѣпленіе, стоящее на берегу Кой-су (2198 ф.) въ трехъ верстахъ отъ Ботлиха. Упорныя повальныя лихорадки, которыми не только болѣли сильнѣйшимъ образомъ люди, но отъ которыхъ многіе изъ нихъ и умирали, заставили давно упразднить эту крѣпость. Теперь, какъ сообщили мнѣ, Кой-су измѣнила свое русло и гораздо меньше заливаетъ берега; поэтому прежнія болота почти исчезли и климатъ этой мѣстности сталъ гораздо здоровѣе. Около бывшаго Преображенскаго

укрѣпленія построенъ хорошій желѣзный мостъ черезъ Андійское Кой-су. По нему проходитъ дорога изъ Ботлиха въ Хунзахъ и другія мѣста Дагестанской области.

Населеніе Ботлиха состоитъ почти исключительно изъ аварцевъ (тавлинцевъ), но есть здѣсь небольшое число чеченцевъ, евреевъ и очень мало, если исключить войска, русскихъ.

По вечерамъ въ Ботлихѣ, заброшенномъ въ самую глубину горъ Дагестана и окруженномъ со всѣхъ сторонъ сотнями чеченскихъ и лезгинскихъ ауловъ, въ которыхъ на протяженіи многихъ десятковъ верстъ не встрѣтишь почти ни одного русскаго человѣка, бываютъ слышны звуки гармоники и веселыя солдатскія пѣсни, которыя представляютъ очень странный диссонансъ со всей окружающей обстановкой. Это обычное вечернее развлеченіе пластуновъ и солдатъ-артиллеристовъ. Нерѣдко одновременно съ ихъ пѣснями раздаются въ извѣстный часъ заунывные монотонные возгласы муллы, призывающіе правовѣрныхъ на молитву.

Въ самомъ Ботлихѣ я встрѣтилъ довольно много птицъ. На улицахъ и на дворахъ въ изобиліи живутъ воробьи двухъ видовъ (**Passer domesticus Briss.** и **P. montanus Briss.**) и довольно много полудикихъ голубей, а въ садахъ много горныхъ овсянокъ (**Emberiza cia L.**), зябликовъ, щегловъ и т. д. Здѣсь-же летаетъ много черныхъ стрижей (**Cypselus apus L.**) и сѣрыхъ воронъ (**Corvus cornix L.**). Замѣчательно, что въ жаркихъ окрестностяхъ Ботлиха, мѣстами сильно каменистыхъ и пересѣченныхъ множествомъ овраговъ, яровъ и канавъ, и притомъ съ почвой, изборожденной безконечнымъ числомъ трещинъ, я не встрѣтилъ ни одной змѣи, ни одной ящерицы, несмотря на то, что, надѣясь найти ихъ здѣсь непремѣнно, самымъ тщательнымъ образомъ присматривался къ каждому камню и каждому кустику травы. Ожидая встрѣтить также скорпіоновъ и фалангъ, я перевертывалъ и выворачивалъ множество камней, но кромѣ мелкихъ многоножекъ и насѣкомыхъ ничего подъ ними не нашелъ. Все это я продѣлывалъ какъ по дорогѣ къ Ботлиху, такъ и по пути отъ него въ другія мѣста.

Въ 3—4 верстахъ ниже моста черезъ Кой-су находятся два аула—Энхели и Куанхидатль, замѣчательные своими солеными источниками. Изъ ихъ водъ съ давнихъ временъ тавлинцы добываютъ соль. Этой солью, какъ сообщали мнѣ, оба аула платили дань Шамилю,—поэтому ихъ назвали соляными аулами.

Окрестности Ботлиха, какъ неоднократно было замѣчено, очень пустынны: только на горахъ, окружающихъ его, притомъ на зна-

чительной высотѣ (5—7 тысячъ футовъ), мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе свѣжій и обильный травяной покровъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ботлиха виднѣются небольшіе сосновые лѣски, но каждый изъ нихъ занимаетъ площадь приблизительно въ $^1/_2$ квадратныхъ версты. Вѣроятно, и они скоро будутъ уничтожены совершенно, такъ какъ при большомъ недостаткѣ въ лѣсномъ матеріалѣ рубятъ ихъ очень сильно, а сосновые пни не даютъ поросли. Разведеніе лѣсовъ вокругъ Ботлиха было-бы благодѣяніемъ для его жителей.

Осмотрѣвъ Ботлихъ и его ближайшія окрестности, я отправился на З. отъ него черезъ аулы Ансалты и Зиберхали въ Будты. Я хотѣлъ попасть въ такія мѣста, въ которыхъ водятся безоаровые козлы, почти единственное изъ копытныхъ животныхъ Кавказа, съ которымъ до сихъ поръ мнѣ не удалось путемъ собственныхъ наблюденій ознакомиться болѣе или менѣе обстоятельно. Раньше мнѣ говорили, что безоаровые козлы водятся очень близко отъ Ботлиха, но отъ мѣстныхъ жителей я узналъ, что это несправедливо. Осмотръ окрестностей Ботлиха убѣдилъ меня въ томъ, что здѣсь и нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ бы могли водиться эти животныя. Слышалъ я также, что на горахъ около Зиберхали и въ особенности около Будты можно найти этихъ козловъ, а упомянутый уже мною азіатскій врачъ Нуръ-Магометъ, который пріютилъ меня въ своей квартирѣ послѣ моихъ неудачныхъ попытокъ найти для себя въ Ботлихѣ какое-нибудь пристанище, указалъ мнѣ на одного хорошаго охотника—прапорщика Иссу, живущаго въ Будты. Нуръ-Магометъ увѣрялъ меня, что Исса съ удовольствіемъ возьметъ меня, какъ охотника, подъ свое покровительство.

Выѣхалъ я рано утромъ, чтобы до наступленія жары проѣхать пустынныя окрестности Ботлиха. Дорога наша тянулась почти прямо на западъ и проходила нѣсколько южнѣе аула Тандо. Мѣстность и здѣсь оказалась въ высшей степени однообразной, скучной и пустынной: все тѣ-же овраги, канавы, трещины въ почвѣ и почти полное отсутствіе растительности. Изрѣдка попадается здѣсь тощая полынь (Artemisia campestris), Knautia, колючіе астрагалы, Xanthium spinosum, Peganum harmala, Centaurea trinervia и одно такое колючее растеніе, къ которому даже страшно прикоснуться. Вѣроятно, это Noala spinosissima, растущая отдѣленными другъ отъ друга большими колоніями или кустами. Изъ птицъ мы встрѣтили здѣсь довольно много чекановъ и нѣсколько штукъ воронъ. Пресмыкающіяся и въ этотъ разъ мнѣ не попадались вовсе.

Отъ Ботлиха до аула Ансалты по прямой линіи не болѣе 7 верстъ, но мы едва проѣхали это разстояніе за $2^1/_2$ часа, потому что дорога и здѣсь дѣлаетъ множество зигзаговъ въ обходъ балокъ, водомоинъ и яровъ. Аулъ Ансалты расположенъ значительно выше Ботлиха и отличается очень оригинальнымъ и красивымъ видомъ. Онъ раскинулся по склону горы, всѣ высокія каменныя сакли его имѣютъ, какъ и въ Ботлихѣ, балконы или галлереи съ крышами, подпертыми деревянными столбами, и расположены по уступамъ горы другъ надъ другомъ. Кромѣ того, всѣ балконы ихъ обращены въ одну сторону, на востокъ, куда мѣстность сильно понижается. Все это придаетъ аулу очень своеобразный видъ. Ниже дворовъ и жилыхъ построекъ на значительномъ пространствѣ тянутся сады, внутри которыхъ ярко блестятъ на солнцѣ густыя золотистыя нивы пшеницы. Среди нихъ, а въ особенности между ними разбросано много деревьевъ, по-преимуществу грушъ и тополей. Послѣ пустынь, по которымъ мы странствовали послѣднее время, Ансалты произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Особенно красивы его сады, гдѣ густыя темно-зеленыя кроны деревьевъ такъ рельефно выдѣляются на блестящемъ фонѣ хлѣбныхъ полей. Конечно, эти сады и нивы орошаются напускной водой.

За Ансалты дорога поднимается все выше и выше, а растительность постепенно становится свѣжѣе и обильнѣе. Сначала появляется довольно много Vincetoxicum, а затѣмъ кустики розъ и барбариса. Первымъ живется здѣсь, однако, очень плохо; они имѣютъ маленькій ростъ, мелкіе листья и очень мелкіе темно-розовые цвѣты. Еще выше начинаютъ попадаться можжевельники (Juniperus communis L.) и облѣпиха (Hypprphaë rhamnoides). Здѣсь же между кустиками встрѣчаются маленькіе роднички съ чистой свѣжей водой и ручейки. Въ этихъ мѣстахъ наша тропинка поднималась довольно круто, и мы должны были слѣзть съ лошадей и итти пѣшкомъ. Пройдя такимъ образомъ около версты, мы взошли наконецъ на пологій и сравнительно мало возвышающійся надъ ближайшей мѣстностью перевалъ, за которымъ слѣдовалъ короткій спускъ къ аулу Зиберхали. На перевалѣ росла довольно порядочная и свѣжая травка; на ней мы сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть, напиться чаю и покормить своихъ лошадей.

Перевалъ имѣетъ въ высоту 2000 метровъ и окруженъ почти со всѣхъ сторонъ покрытыми зеленью пологими склонами. Онъ находится въ южной сторонѣ и почти у самаго подножья г. Индой,

имѣющей въ высоту 2345 метр. (7693 ф.). Это острая, въ верхней части очень скалистая и крутая, какъ стѣна, гора. Она состоитъ изъ бѣлыхъ известковыхъ скалъ, осыпей и очень крутыхъ зеленыхъ откосовъ, по которымъ растутъ рѣдкія сосны. На перевалѣ я видѣлъ двухъ витютней (Palumbus torquatus Aldr.), много дикихъ голубей (Columba livia L.) и съ полдюжины сорокъ. Нахожденіе послѣднихъ на такой высотѣ меня очень удивило, такъ какъ эта птица избѣгаетъ горъ и раньше никогда не попадалась мнѣ на болѣе или менѣе высокихъ мѣстахъ Кавказа. Нигдѣ по дорогѣ къ перевалу я не встрѣтилъ ни ящерицъ, ни змѣй. Меня особенно поразило отсутствіе горной ящерицы (Lacerta muralis Laur.), которыя въ горахъ на каменистыхъ мѣстахъ встрѣчаются всюду. Когда мы отдыхали на перевалѣ, съ горы Индой донеслись до насъ звуки двухъ выстрѣловъ. Вѣроятно, кто-нибудь стрѣлялъ тамъ по сернамъ, которыя, какъ мнѣ говорили, изрѣдка встрѣчаются на г. Индой.

Во время нашего пребыванія на перевалѣ къ намъ подошелъ одинъ аварецъ, которому я предложилъ напиться чаю, чтобы разспросить его о здѣшнихъ мѣстахъ. Къ моему удовольствію, онъ оказался охотникомъ. Отъ него между прочимъ я узналъ, что въ окрестностяхъ Зиберхали звѣрей вообще очень мало, безоаровыхъ козловъ нѣтъ, а серны лишь изрѣдка попадаются на окружающихъ аулъ горахъ. По словамъ охотника, дичи больше въ окрестностяхъ Будты, около находящагося верстахъ въ 7 къ востоку отъ него аула Киру, но много безоаровыхъ козловъ можно найти только около Хуланды—одного изъ отдаленнѣйшихъ ауловъ Чечни, находящагося почти подъ самыми снѣгами Пирикительскаго хребта, въ верховьяхъ Шаро-Аргуна.

Въ очень небольшомъ разстояніи отъ перевала расположенъ маленькій аулъ Зиберхали. Онъ самъ по себѣ ничего особеннаго не представляетъ, но окружающая его мѣстность очень недурна и совсѣмъ не похожа на окрестности Ботлиха, Тандо и даже Ансалты. Вся она покрыта свѣжей зеленью и мѣстъ съ оголенной почвой глазъ на ней нигдѣ не встрѣчаетъ. На сѣверномъ склонѣ горъ, которыя тянутся приблизительно съ В. на З., южнѣе Зиберхали есть даже порядочные сплошные лѣски, состоящіе или только изъ сосенъ, или-же изъ лиственныхъ породъ съ сильнымъ преобладаніемъ березы. Съ противоположной, т. е. сѣверной стороны Зиберхали тянется далеко на западъ хребетъ Индой-ламъ. Аулъ Зиберхали расположенъ на очень значительной высотѣ между

двумя упомянутыми хребтами и окруженъ со всѣхъ сторонъ прекрасными горными лугами. Особенно роскошный видъ они имѣютъ верстахъ въ пяти отъ Зиберхали по дорогѣ къ Будты. На нихъ растутъ такія-же пышныя, какъ въ Кубанской области или Черноморской губерніи, герани, истоды (**Polygala**), лютики, **Betonica grandiflora, Inula** и т. д. **Veratrum album** встрѣчается здѣсь, но сравнительно не особенно часто.

Отъ Зиберхали намъ пришлось подняться еще выше, еще разъ перебраться черезъ невысокій перевалъ въ хребтѣ, раздѣляющемъ ручьи и рѣчки бассейновъ Андійскаго Кой-су и Шаро-Аргуна. Этотъ перевалъ имѣетъ въ высоту 2273 метр. (7455 ф.) надъ ур. моря. Къ сѣверу отъ него и здѣсь длинной цѣпью протянулся хребетъ Индой-ламъ, имѣющій высоту въ этихъ мѣстахъ отъ 8 до $8^1/_2$ тысячъ футовъ. Гребень его отстоитъ отъ перевала по прямой линіи всего версты на три. За этимъ перевалομъ начинается уже пологій спускъ къ Будты, который тянется на протяженіи пяти верстъ.

На переѣздъ отъ Ботлиха до Будты мы затратили 9 часовъ, включая въ это время и одинъ часъ, употребленный на отдыхъ передъ спускомъ къ Зиберхали, и потому порядочно утомились. Разстояніе между обоими упомянутыми пунктами по прямой линіи равняется всего лишь верстамъ 18, но дорога здѣсь, какъ и почти вездѣ въ горномъ Дагестанѣ, дѣлаетъ такъ много зигзаговъ, что разстояніе, опредѣляемое по картѣ, надо увеличить по крайней мѣрѣ раза въ полтора, если необходимо опредѣлить время, которое потребуется на проѣздъ его. Почти за цѣлый день ѣзды мы перемѣстились на разстояніе, равняющееся на пятиверстной картѣ только $^2/_3$ дюйма.

Когда мы добрались до Будты, мой проводникъ прежде всего началъ разспрашивать, гдѣ живетъ отставной офицеръ Исса. На это намъ отвѣтили, что въ Будты его нѣтъ и что онъ переселился на хуторъ, который виденъ изъ Будты, отстоитъ отъ него версты на полторы и отдѣляется довольно глубокой балкой. Такимъ образомъ, намъ надо было ѣхать еще съ полчаса. Когда до хутора оставалось не болѣе версты, мой проводникъ замѣтилъ, что черкеска его, лежавшая на сѣдлѣ, потеряна. Это случилось въ то время, когда онъ передъ въѣздомъ въ Будты слѣзалъ съ лошади, чтобы отворить ворота, ведущія въ аулъ. Онъ поѣхалъ искать черкеску, а я въ ожиданіи его возвращенія расположился на лужайкѣ, съ которой открывался хорошій видъ во всѣ стороны

и въ особенности на Индой-ламъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ, житель Будты, говорившій немного по-русски, и вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ, что когда то вмѣстѣ съ Шамилемъ воевалъ противъ русскихъ, сражался подъ Дарго, Гергебилемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ и былъ неоднократно раненъ. Въ доказательство послѣдняго онъ показалъ мнѣ на голени большой рубецъ отъ пулевой раны. Меня очень удивило его въ высшей степени любезное и добродушное отношеніе ко мнѣ, гяуру и, кромѣ того, русскому. Во время нашей бесѣды явился мой проводникъ, но безъ черкески. Она была кѣмъ-то найдена и припрятана. Ее выручилъ на слѣдующій день Исса, очевидно, пользующійся здѣсь вліяніемъ.

Въ пятомъ часу вечера мы были, наконецъ, въ его кунацкой. Исса когда-то служилъ въ Петербургѣ въ конвоѣ, получилъ тамъ чинъ, но, возвратившись въ свой аулъ, совсѣмъ отрекся отъ всего, что вноситъ въ жизнь цивилизація. На стѣнѣ его кунацкой висѣло офицерское пальто съ погонами, но самъ онъ ходилъ въ не крытой матеріей бѣлой овчинной шубѣ, и посѣдѣвшая борода его была выкрашена очень плохо въ мутный черный цвѣтъ. Рядомъ съ офицерскимъ пальто висѣли двѣ берданки, съ которыми охотился Исса за сернами и другими звѣрями, нѣсколько хорошихъ азіатскихъ ружей, а также шашки и кинжалы, обдѣланные въ серебро; но воздухъ въ кунацкой былъ сильно пропитанъ особеннымъ специфическимъ запахомъ, который такъ часто чувствуется въ азіатскихъ сакляхъ. Мы пріѣхали къ Иссѣ не во время: отъ него на нашихъ глазахъ только что уѣхало нѣсколько человѣкъ гостей, прожившихъ здѣсь дня три, и, кромѣ того, въ предыдущіе дни онъ былъ боленъ и не успѣлъ еще поправиться. Особенно опечалилъ меня разговоръ съ нимъ объ охотѣ. Исса сообщилъ, что въ сосѣднихъ съ Будты мѣстахъ водятся дикія козы (косули), въ доказательство чего показалъ вѣтвистые рожки убитаго имъ козла, изрѣдка попадаются серны и вовсе нѣтъ интересовавшаго меня безоароваго козла. Не встрѣчается онъ, по словамъ Иссы, и около Киру, гдѣ водился еще недавно. Терять время и, можетъ быть, безрезультатно на охоту за козами или сернами мнѣ было неинтересно, такъ какъ за этой дичью я могъ поохотиться при гораздо лучшихъ условіяхъ въ Кубанской области, отправляться-же въ Хуланды, гдѣ, какъ сообщилъ мнѣ охотникъ, водится много безоаровыхъ козловъ, и употребить на это

еще по крайней мѣрѣ недѣлю, мнѣ неудобно было по многимъ причинамъ,—поэтому попытку поохотиться за безоаровыми козлами пришлось отложить до болѣе удобнаго времени. Возможно, впрочемъ, что Исса нѣсколько преувеличивалъ, разсказывая о бѣдности дичью окрестностей Будты, такъ какъ ему послѣ болѣзни, вѣроятно, не особенно хотѣлось отправляться съ нами на охоту. Съ самаго начала разговора онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что я могу лазать по такимъ высокимъ и труднодоступнымъ мѣстамъ, на которыхъ водятся серны или безоаровые козлы, что мои сапоги не годятся для такой охоты и т. д. Но, когда я ему сказалъ, что охочусь за сернами ежегодно и убилъ ихъ нѣсколько десятковъ, показалъ ему охотничьи штиблеты, какихъ онъ никогда не видалъ, то онъ снова началъ разговоръ о бѣдности дичью.

Остатокъ дня я употребилъ на осмотръ ближайшихъ окрестностей Будты и хутора, на которомъ мы остановились. Мѣста эти очень красивы и сплошь покрыты зеленью. Будты представляетъ небольшой аулъ, расположенный на лѣвой сторонѣ долины и почти у самыхъ верховьевъ одной небольшой рѣчки, впадающей въ Шаро-Аргунъ. Эта долина простирается съ востока на западъ. Съ южной стороны ея тянется довольно высокій хребетъ, покрытый въ восточной части альпійскими лугами, а въ западной густымъ мелкимъ березовымъ лѣсомъ. Это первый на нашемъ пути послѣ отъѣзда изъ Ведено сплошной и занимающій болѣе или менѣе обширное пространство лѣсъ. Надъ нимъ возвышается еще рядъ зубчатыхъ остроконечныхъ вершинъ. Съ сѣверной стороны той-же долины тянется другой хребетъ, именно Индой-ламъ. Южный склонъ его, обращенный къ Будты, совершенно безлѣсенъ, но покрытъ горными лугами до самаго гребня. Кромѣ того, болѣе пологія мѣста его распаханы и засѣяны хлѣбомъ. Недалеко отъ Будты на этомъ хребтѣ находится много очень высокихъ обрывистыхъ скалъ, на которыхъ до сихъ поръ изрѣдка попадаются серны. Исса разсказывалъ мнѣ, что за нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Будты онъ видѣлъ на этихъ скалахъ самку-серну, съ маленькимъ козленкомъ, но не хотѣлъ стрѣлять ее, чтобы не обрекать на вѣрную смерть слабаго и беззащитнаго козленка.

Передъ вечеромъ погода, все время благопріятствовавшая намъ, какъ будто бы начала портиться. Все небо, которое было видно изъ Будты, покрылось густыми облаками; темные клубы ихъ сначала окутали всѣ вершины горъ, а затѣмъ начали спускаться ниже и ниже. Эти облака не расходились въ теченіе всей ночи,

а передъ восходомъ солнца сдѣлались еще болѣе темными и густыми. Оставаться въ Будты мнѣ ужасно не хотѣлось, а о вторичномъ ночлегѣ въ той же кунацкой я думалъ даже со страхомъ и не одинъ разъ вспоминалъ свою палатку, въ которой хотя и бывало по временамъ холодно и сыро, но зато всегда можно было дышать чистымъ и свѣжимъ воздухомъ. Еще съ вечера я рѣшилъ ѣхать изъ Будты на слѣдующій день какъ можно раньше, чтобы воспользоваться утренними часами, болѣе надежными въ отношеніи погоды. Исса, впрочемъ, увѣрялъ, что тучи, которыя устрашали меня, не предвѣщаютъ дождя и что погода не помѣшаетъ намъ ѣхать; но я отчасти заподозрилъ искренность его словъ, думая, не желаетъ ли онъ скорѣе избавиться отъ гостей, которые ему, еще не успѣвшему выздоровѣть, были, вѣроятно, въ тягость. Рано утромъ мы послали за своими лошадями, наскоро напились чаю и въ 6 часовъ двинулись въ путь. Ѣхать старой дорогой, да еще черезъ такія мѣста, какъ окрестности Ботлиха, мнѣ не хотѣлось, поэтому я рѣшилъ перебраться черезъ Индой-ламъ немного восточнѣе Будты и новой дорогой выѣхать на Эзень-амъ. Изъ двухъ перевалов, находящихся недалеко отъ Будты, мы выбрали ближайшій, хотя и болѣе высокій.

Первые полчаса намъ надо было ѣхать на востокъ по знакомой уже долинѣ, а затѣмъ круто повернуть на сѣверъ. Тотчасъ за этимъ поворотомъ начинался очень крутой подъемъ на Индойламъ. Большую часть его мы принуждены были пройти пѣшкомъ и употребили на это цѣлый часъ. Такимъ образомъ, ровно въ семь съ половиной часовъ утра мы попали на гребень Индой-лама, на высоту, по моему приблизительному опредѣленію, въ 2600 м. (8525 ф.) надъ ур. моря. Такъ какъ мой проводникъ зналъ эту дорогу плохо, то я очень боялся, чтобы туманъ и вообще непогода не застала насъ на Индой-ламѣ; поэтому я все время шелъ очень быстро и сильно вспотѣлъ; въ это же время дулъ такой холодный вѣтеръ, который насквозь пронизывалъ мое платье и леденилъ тѣло. На гребнѣ хребта вѣтеръ былъ еще сильнѣе, поэтому я не могъ пробыть тамъ болѣе пяти минутъ, въ теченіе которыхъ едва успѣлъ достать свой анероидъ и записать показаніе его. Надъ переваломъ тогда неслась туча, но вдали, на юго-западѣ было видно темно-синее небо и на немъ чудно обрисовывался бѣлоснѣжный Пирикительскій хребетъ. Особенно красивъ былъ самый восточный пикъ его—Диклосъ-мта (14030 ф.), представлявшій тонкую острую пирамиду, съ которой спускался большой глетчеръ. На западъ отъ

Диклосъ-мта тянулся еще цѣлый рядъ вершинъ, украшенныхъ вѣчными снѣгами и ледниками.

Спускъ съ Индой-лама на сѣверъ такъ крутъ, что мы должны были весь его пройти пѣшкомъ, шагая, какъ по самой крутой лѣстницѣ, и за одинъ часъ очутились на 800 метровъ или 2624 ф. ниже гребня хребта. Пройдя еще съ полчаса, мы выбрались на болѣе или менѣе пологія мѣста, здѣсь отдохнули съ часъ и дальше поѣхали верхами. Вскорѣ намъ пришлось спускаться въ глубокое и страшно тѣсное ущелье, обставленное съ боковъ отвѣсными скалами. Спускъ въ него былъ недлиненъ, но такъ крутъ, что по нему мы едва могли свести лошадей. Я думалъ, что намъ надо будетъ только перейти черезъ это ущелье, но оказалось, что тропинка шла по дну его, заваленному грудами камня, на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Она то тянулась по берегу рѣчки, то по руслу ея, то поднималась на скалы.

Особенно плоха была тропинка на протяженіи первой версты, гдѣ намъ пришлось много разъ слѣзать съ лошадей, чтобы не сорваться вмѣстѣ съ ними подъ кручу. Еще мучительнѣе была ужасная жара въ этомъ узкомъ, тѣсномъ ущельѣ, скалы котораго, раскаленныя солнцемъ, испускали жаръ, какъ натопленная печь. Такъ мы ѣхали часа полтора, затѣмъ выбрались изъ ущелья и совершенно неожиданно для меня вдругъ очутились вблизи озера Эзень-амъ. По только что описанному ущелью текли тѣ рѣчки, которыя, какъ уже было сказано, подземнымъ каналомъ соединяются съ озеромъ.

На пути къ озеру мы встрѣчали много клушицъ, альпійскихъ галокъ, чекановъ и нѣсколькихъ горныхъ грифовъ.

Н. Я. Динникъ.

Г. Ставрополь.
